

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Социологический институт РАН

Власть и элиты

Power and elites

2025
Том 12
№ 3

Санкт-Петербург
2025

РЕДАКЦИЯ

А.В. Дука, *главный редактор*, к.пол.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.С. Быстрова, *заместитель главного редактора*, к.э.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Д.Б. Тев, *заместитель главного редактора*, к.с.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.Ю. Швая, *ответственный секретарь*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

В.Д. Дмитриева, *секретарь редакции*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

EDITORIAL TEAM

Aleksandr V. Duka, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Alla S. Bystrova, *Deputy editor in chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Denis B. Tev, *Deputy editor in chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Andrey Yu. Shvaya, *Executive secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Valeriia D. Dmitrieva, *Secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дука Александр Владимирович, *главный редактор*, кандидат политических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Быстрова Алла Сергеевна, *зам. главного редактора*, кандидат экономических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Тев Денис Борисович, *зам. главного редактора*, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, член-корр. РАН, МГИМО (У) МИД России, НИУ ВШЭ, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), Москва, Россия

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Завершинский Константин Федорович, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Козловский Владимир Вячеславович, доктор философских наук, профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Кочетков Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Лапина Наталия Юрьевна, доктор политических наук, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Ледяев Валерий Георгиевич, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор, ИНИОН РАН, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Мацузато Кимитака, доктор юридических наук, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мохов Виктор Павлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Панов Петр Вячеславович, кандидат исторических наук, доктор политических наук, Институт гуманитарных исследований ПФИЦ Уральского отделения РАН Пермь, Россия

Покатов Дмитрий Валерьевич, доктор социологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Сельцер Дмитрий Григорьевич, доктор политических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Тыканова Елена Валерьевна, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

EDITORIAL BOARD

Aleksandr V. Duka, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Alla S. Bystrova, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Denis B. Tev, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Valeriy A. Achkasov, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Oksana V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Corresponding Member of RAS, Professor, MGIMO-University, NRU “Higher School of Economics”, President of the Russian Political Science Association, Moscow, Russia

Vladimir A. Gutorov, Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Konstantin F. Zavershinskiy, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. Kozlovskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander P. Kochetkov, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Natalia Yu. Lapina, Doctor of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Moscow, Russia

Valeriy G. Ledyaev, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Olga Yu. Malinova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Kimitaka Matsuzato, Doctor of Law, Professor, The University of Tokyo, Tokyo, Japan

Viktor P. Mohov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Petr V. Panov, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Science, Institute for Humanitarian Research of PFRC of the Ural Branch RAS, Perm, Russia

Dmitry V. Pokatov, Doctor of Sociology, associate professor, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia

Dmitriy G. Seltser, Doctor of Political Science, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Aleksandr I. Solovyev, Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Tykanova, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Alla E. Chirikova, Doctor of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гуторов В.А.

- 7–30 Стратегическая культура и элиты:
политико-теоретические аспекты аналитики

КАРЬЕРЫ И РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ

Тев Д.Б.

- 31–62 Динамика постдумской карьеры
в политико-административной сфере и бизнесе

Покатов Д.В.

- 63–84 Главы и депутаты законодательных собраний регионов
среднего Поволжья: особенности социального состава,
источники и направления рекрутации и карьерных траекторий

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Пустовойт Ю.А.

- 85–103 Четыре масти ассамблея власти: институты и политики
в сибирском мегаполисе. Десять лет спустя

CONTENTS

PROBLEMS OF THE ELITE STUDIES

V. Gutorov

- 7–30 Strategic Culture and Elites: Political-Theoretical Aspects of Analytics

CAREERS AND RECRUITMENT OF POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ELITES

D. Tev

- 31–62 The Dynamics of Post-Duma Careers
in the Political-Administrative Sphere and Business

D. Pokatov

- 63–84 Heads and Deputies of Legislative Assemblies of Middle Volga Regions:
Features of Social Composition, Sources and Directions
of Recruitment and Career Trajectories

POWER AND ELITES IN RUSSIAN CITIES AND TOWNS

Yu. Pustovoyt

- 85–103 Four Suits of the Assembly of Power: Institutions and Politicians
in the Siberian Metropolis. Ten Years Later

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.1>.

EDN: PHQTOY

В.А. ГУТОРОВ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭЛИТЫ: ПОЛИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИТИКИ

Аннотация. Понятие стратегической культуры изначально ассоциировалось с национальными традициями, ценностями, взглядами, образцами поведения, привычками, символами, достижениями и конкретными способами адаптации к окружающей среде и решению проблем, связанных с угрозой или применением силы. Как один из основных элементов политики, стратегическая культура отражает фундаментальные потребности государства в безопасности. Она представляет собой организационное поле, внутри которого генерирование идей в форме интеллектуального экспериментирования и рефлексивное осмысление идеологических практик могут рассматриваться как единый дискурсивный процесс, оказывающий мощное воздействие на политическое сознание. Западные исследования стратегической культуры прошли три стадии развития. Первое поколение конца 1970 — начала 1980-х гг. состояло из советологов и специалистов в области политики безопасности, не испытывавших никаких теоретических амбиций. Второе поколение, появившееся в середине 1980-х гг., также сосредоточилось на сверхдержавках, но в своих рассуждениях ориентировалось преимущественно на грамшианскую перспективу. Представители третьего поколения с начала 1990-х гг. стремились изучать роль стратегических и организационных культурных норм в стратегическом выборе, одновременно пытались оценивать и объяснять новые подходы, которые не вписывались в доминирующие неореали-

стические объяснения (А.А. Джонстон). Стратегическая культура, постепенно утверждая свой статус в международной политической теории, в основном рассматривалась как эквивалент ценностей, моделей поведения или системы символов. В теоретическом и методологическом плане наибольшего внимания заслуживает острая дискуссия между К. Греем и А. Джонстоном об исходных принципах, на основе которых определение стратегической культуры может считаться объективным и непротиворечивым. Как полагает К. Грей, основная причина аберраций А. Джонстона состоит в том, что он пытался отделить идеи от поведения. Напротив, стратегическую культуру следует рассматривать и как контекст, формирующий поведение, и как саму составляющую этого поведения. Человек, организация или сообщество безопасности, лишившиеся культуры, по определению выводятся из процесса изучения опыта своего прошлого и как бы выпадают из последнего. Философский вектор теоретического спора между двумя выдающимися учеными и теоретиками вполне определенно указывает на спонтанное стремление к реконцептуализации стратегической культуры с учетом «грамшианской перспективы». В наши дни, благодаря многогранной, продолжавшейся многие десятилетия работе, связанной с экзегетикой текстов Антонио Грамши, а также интерпретацией и реинтерпретацией его политико-философского наследия, большинство ученых начинают постепенно разделять позицию, согласно которой в трудах и политической практике Грамши предтюремного периода идея культурных институтов занимала особое «стратегическое место» (Р. Уильямс, П. Мерли). В начале 1980-х гг. А. Коэн в работе «Политика культуры элит» использовал сходные в типологическом плане аналитические принципы с целью исследования драматического процесса, лежащего в основе «развития мистицизма в артикуляции элитарной организации». Совокупность символических верований и задействованных в этом драматургических практик формирует нормативную культуру, которая посредством различных процессов мистификации разрешает главное противоречие в формировании и функционировании элитной группы. Одна из непосредственных целей аналитики Коэна заключалась в том, чтобы обосновать в конечном итоге стратегически акцентуированное определение элит. На рубеже 1980–1990-х гг. широкое применение методов дискурс-анализа в политических науках во многом способствовало возникновению новых тенденций «спецификации» элит. Типичным примером в этом плане является обоснование Т. ван Дейком правомерности выделения категории «символические элиты» для лучшего понимания особенностей современного публичного дискурса. Однако

в плане дискурсивной вариативности еще *большую* роль в области анализа элит сыграло возникновение в начале XXI в. нового научного направления, получившего название «дискурсивный институционализм», который является зонтичной концепцией для широкого спектра работ в области политической науки, учитывающих основное содержание идей и интерактивные процессы, посредством которых идеи передаются и обмениваются через дискурс (В.А. Шмидт). В рамках нового направления возник широкий спектр дефиниций, отражающих стремление специалистов выявить новые аспекты активного воздействия идей на институциональные процессы и проекты. Идеи рассматриваются как переключатели интересов, дорожные карты, как стратегические конструкции или стратегическое оружие в борьбе за контроль, как нарративы, формирующие понимание событий, или как «референтные рамки», разновидности коллективной памяти или национальных традиций. Методологические установки и «программные убеждения» сторонников нового направления действительно способствовали в конечном итоге «переключению внимания» политологов в направлении реинтерпретации стратегической культуры. Они стремятся концептуализировать стратегическую культуру как состоящую из субкультур, каждая из которых обладает своей собственной индивидуальностью и базируется на мировоззрении элитной группы, социальный статус которой обеспечивает им легитимность, необходимую для вмешательства в публичную сферу. Отнюдь не «побочным эффектом» обозначенного выше «поворота к идеям» в форме дискурсивного институционализма может считаться разработка Дж. Уэдел концепции «элит влияния» (*influence elites*), тесно взаимосвязанной с ее многочисленными работами, посвященными проблемам коррупции, источником которых она считает современные «властные элиты» и «теневые элиты».

Ключевые слова: политические стратегии, стратегическая культура, элиты, культурные нормы, государство, политика безопасности, политические идеологии, дискурсивный институционализм, политическое сознание.

Для цитирования: Гуторов В.А. Стратегическая культура и элиты: политико-теоретические аспекты аналитики // *Власть и элиты*. 2025. Т. 12. № 3. С. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.1>. EDN: PHQTOY

Понятие стратегической культуры изначально ассоциировалось с национальными традициями, ценностями, взглядами, образцами поведения, привычками, символами, достижениями и конкретными способами адаптации к окружающей среде и решению проблем, связанных с угрозой или применением силы. Как один из основных элементов политики, стратегическая культура отражает фундаментальные потребности государства в безопасности. Она представляет собой организационное поле, внутри которого генерирование идей в форме интеллектуального экспериментирования и рефлексивное осмысление идеологических практик могут рассматриваться как единый дискурсивный процесс, оказывающий мощное воздействие на политическое сознание.

В своем монументальном труде «Культурный реализм: стратегическая культура и большая стратегия в китайской истории» (1998) Аластер Айэн Джонстон, профессор Гарвардского университета, отмечал, что западные исследования стратегической культуры прошли три различных стадии развития. Первое поколение конца 1970 — начала 1980-х гг. состояло из советологов и специалистов в области политики безопасности, не испытывавших никаких теоретических амбиций. Второе поколение, появившееся в середине 1980-х гг., «также сосредоточилось на сверхдержавах, но в своих рассуждениях ориентировалось преимущественно на грамшианскую перспективу. Это поколение признавало возможность разрыва между символическим стратегическим и культурным дискурсом и оперативными доктринами, поскольку первый использовался для укрепления гегемонии стратегических элит и их полномочий определять вторые». Представители третьего поколения с начала 1990-х гг. «стремились изучать роль стратегических и организационных культурных норм в стратегическом выборе», одновременно пытаясь оценивать и объяснять новые подходы, «которые не вписывались в доминирующие неореалистические объяснения» [18, р. 5].

В 1977 г. Джек Снайдер предложил следующее самое раннее определение стратегической культуры — «совокупность идей, обусловленных эмоциональных реакций и моделей привычного поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобрели посредством обучения или имитации». Характерная для данного типа культуры «аналитическая аргументация» включает в себя «совокуп-

ность взглядов и убеждений, которая направляет и ограничивает мышление по стратегическим вопросам, влияет на способ формулирования стратегических проблем и инициирует словарь и параметры восприятия стратегических дебатов» [38, р. 8–9]. С тех пор стратегическая культура стала новой «горячей темой» для специалистов и постепенно утвердила свой статус в международной политической теории. Она в основном рассматривалась как эквивалент ценностей, моделей поведения или системы символов. Следует отметить, что ученые не ограничивались микроперспективой, подчеркивая необходимость всестороннего ее изучения на макро- и мезо-уровнях.

С 1970-х по 1980-е гг. Джек Снайдер, Колин С. Грей и Карнес Лорд, сосредоточив внимание на причинах, приведших к различию между ядерными стратегиями США и Советского Союза, обычно рассматривали стратегическую культуру как решающий фактор национального стратегического поведения и были склонны думать, что стратегическая культура была фиксированной, а не изменчивой [17, р. 32–64] (ср.: [27, р. 263–293; 13, р. 127–138]). Западные стратегические исследования на первом этапе чрезмерно подчеркивали решающую роль исторического опыта и традиционной культуры с тенденцией к механическому детерминизму. Однако в середине–конце 1980-х гг. произошел поворот. Исследователи стали акцентировать внимание на том, что стратегическая культура становится орудием политической гегемонии в сфере принятия стратегических решений. В частности, Бредли Клейн отмечал, что стратегии, декларируемые Соединенными Штатами, были, по сути, инструментом, с помощью которого политические элиты могли «устранять потенциальные проблемы», придавая их стратегическому выбору рациональность и легитимность [23, р. 133–148]. Соответственно, А.А. Джонстон также пришел к выводу, что это поколение исследователей стратегической культуры рассматривало стратегии как нечто инструментальное, используемое политическими элитами для создания приемлемого с культурной и лингвистической точек зрения обоснования стратегий, а также для того, чтобы заставить замолчать потенциальных политических противников. Большинство из них считали, что стратегическая культура как структура априорных субъективных установок мало влияет на стратегический выбор в плане его диверсификации.

В начале 1990-е гг. новое поколение исследователей, представленное Аластером Джонстоном, Джефффри Легро и Элизабет Киер, начали размышлять и согласовывать две крайние стратегические культурные перспективы. Они утверждали, что стратегическая культура не является ни определяющим фактором, ни инструментом принятия стратегических решений, а промежуточной переменной. По их мнению, принятие решений на национальном уровне достигается в рамках когнитивного процесса, субъектом которого являются лица, принимающие эти решения на основе собственных «индивидуальных интенций» [17, p. 40 sq.; 24 *passim*; 22, p. 65–93].

В теоретическом и методологическом плане наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживает острая дискуссия между К. Греем и А. Джонстоном об исходных принципах, на основе которых определение стратегической культуры может считаться объективным и непротиворечивым. Например, в статье «Стратегическая культура как контекст: первое поколение теории наносит ответный удар», Колин Грей, характеризуя плоды интеллектуальной деятельности быстро сменявших друг друга трех поколений исследователей, в частности, отмечал: «Стратегия может иметь множество измерений, одним из которых является культурное. Культура или культуры включают в себя устойчивые (хотя и не вечные) социально передаваемые идеи, установки, традиции, образы мышления и предпочтительные методы работы, которые более или менее специфичны для конкретного территориально-распределенного сообщества безопасности, имеющего, безусловно, уникальный исторический опыт. В одном конкретном сообществе вполне может существовать более одной стратегической культуры, подобно тому, как существуют военные культуры, связанные с конкретными задачами или географическими условиями. Более того, стратегическая культура (или культуры) может меняться со временем по мере усвоения, кодирования и культурной трансляции нового опыта. Однако культура меняется медленно. Исследователям, предпочитающим рассматривать только недавнюю историю в плане ее определяющего влияния на современную стратегическую культуру, следует сменить концепции. Если считается, что стратегическая культура может существенно меняться из года в год или даже из десятилетия в десятилетие, то термин “культура”, вероятно, представляется

излишне возвышенным и даже претенциозным для характеристики рассматриваемого явления... Я решил сгруппировать измерения стратегии в три кластера. Первая категория “Люди и политика” включает: народ, общество, культуру, политику и этику. Вторая категория “Подготовка к войне” охватывает: экономику и логистику, организацию (включая оборону, вооруженные силы и, более непосредственно, войну и планирование), военную подготовку и управление (включая набор, обучение и многие аспекты вооружения), информацию и разведку, стратегическую теорию и доктрину, а также технологии. Последняя категория “Собственно война” объединяет: военные операции, командование (политическое и военное), географию, противодействие (включая случайность и неопределенность), противника и время» [14, р. 49, 51–52, 53].

Как полагает К. Грей, основная причина абберраций А. Джонстона состоит в том, что он разделяет предрассудки ученых, представляющих третье поколение. «Совершенно очевидно, как это и случается в социальных науках, что Айэн Джонстон ошибается, пытаясь отделить идеи от поведения. Культура существует сама по себе: мы и есть культура, мы — часть нашего контекста» [14, р. 68–69].

Утверждая, что «современные (третье поколение) исследователи стратегической культуры совершают серьезную ошибку, пытаясь разграничить культуру и поведение», К. Грей вместе с тем подчеркивал, что «эта ошибка была совершена ради достойной похвалы цели — поиска разумных критериев оценки влияния культуры... Стратегическую культуру следует рассматривать и как контекст, формирующий поведение, и как саму составляющую этого поведения» [14, р. 54]. «В этом плане, — отмечает Грей, — Джонстон допускает несколько ошибок. Во-первых, он требует “понятия стратегической культуры, которое поддается фальсификации или, по крайней мере, отличается от переменных, относящихся к не-стратегической культуре”. Каким бы разумным ни было это требование, Джонстон не понимает аргумента, высказанного антропологом Лесли А. Уайтом: “Культура, по сути, не есть что-либо. Культура — это слово-понятие. Оно создано человеком и может использоваться произвольно для обозначения чего угодно, мы можем определить данный концепт как нам заблагорассудится”... Джонстон не понимает природу стратегической

культуры. Он возражает против теории, которая фактически не поддается проверке, поскольку ее очевидная сфера является вездесущей... Стратегическое поведение может быть эксцентричным с некоторых точек зрения, некомпетентным, неудачным, даже противоречащим культурным нормам, но оно не может быть акультуральным, выходящим за рамки культуры. Человек, организация или сообщество безопасности, лишившиеся культуры, по определению выводятся из процесса изучения опыта своего прошлого и как бы выпадают из последнего. Сам тезис о внекультуральности смешон... Стратегическая культура должна быть руководством к стратегическим действиям, независимо от того, насколько практичен тот вид действия, которые предпочитает культура» [14, р. 55, 62, 63] (ср.: [35, р. 651]).

Как это ни странно, но, несмотря на столь жесткую и бескомпромиссную критику, А. Джонстон предпочел занять довольно мягкую, примирительную позицию: «Несмотря на то, что он (Колин Грей — В.Г.) часто использует в отношении моей работы прилагательные, которые свидетельствуют об отчаянном стремлении сделать от нее прививку будущим поколениям ученых, мы во многом сходимся. Нас объединяет общее базовое онтологическое понимание международных отношений и, в частности, исследований безопасности. Мы согласны с тем, что стратегические культуры, которые, по взаимному признанию, мы определяем весьма по-разному, тем не менее являются критически важными объяснениями того, как разные группы людей думают и действуют, когда речь идет о применении силы. Мы также согласны с тем, что эти стратегические культуры не являются эпифеноменами унитарных государств, действующих в условиях анархии и ограниченных материальными властными структурами, а независимы от этих структур, возможно, находясь под влиянием как внутренних, так и международных нормативных структур» [19, р. 519].

На наш взгляд, философский вектор теоретического спора между двумя выдающимися учеными и теоретиками вполне определенно указывает на спонтанное стремление к реконцептуализации стратегической культуры с учетом «грамшианской перспективы».

В период «холодной войны» идеи гегемонии и культурной политики А. Грамши либо встречались враждебно, либо просто игнорировались. В 1952 г., через два года после первой посмертной частичной

публикации «Тюремных тетрадей», в которых упоминалось понятие «культурная политика» (*politica culturale*), итальянский философ Норберто Боббио опубликовал статью под названием «Культурная политика и политика культуры» [2, р. 61–74]. Статья видного исследователя творчества Грамши может рассматриваться как своеобразный комментарий на призывы недавно созданной организации «Европейское общество культуры» (*Società Europea di Cultura*) к интеллектуалам мира об опасностях взаимоотношений политики и культуры, особенно в форме «культурной политики». Как отмечал Боббио, руководители этой организации, созданной при участии таких интеллектуалов как Жюльен Бенда, Андре Бретон, Бенедетто Кроче, Томас Манн, Джузеппе Унгаретти, настаивали на том, чтобы культура не была ни «политизированной» (*cultura politicizzata*) или «политически ангажированной» (*cultura impegnata*), ни «аполитичной» (*cultura apolitica*) или «отстраненной» (*cultura non impegnata*) [2, р. 63]. В первом случае культура рассматривалась как инструмент реализации социальных целей, достигаемых политическими средствами. В этом плане она «подчинялась» и, следовательно, «не поощрялась». Во втором случае культура считалась социально «некоммуникабельной» и, следовательно, она была «безразличной» и все более «бесцельной, бесплодной, капризной» [2, р. 63–64]. Однако, как полагал Н. Боббио, наиболее опасной была бы разработка концепции «культурной политики» (*politica culturale*), которая будет представлять собой «культуру, созданную политиками для достижения политических целей» [2, р. 64]. В последовавших публичных дебатах Боббио настаивал на том, что культурная политика особенно характерна для тоталитарных режимов. Однако даже либеральные демократии, по его мнению, становятся «тоталитарными» в тот самый момент, когда у них появляется «культурная политика» [см.: 3, р. 512–520].

Комментируя позицию, занятую Н. Боббио в обозначенных выше дебатах, Паола Мерли вполне справедливо отмечает, что «эта враждебность к идее культурной политики, в сочетании с ранее выраженным Кроче яростным неприятием философии практики Грамши, якобы сводящей философию к политическим интересам, которые не следует продвигать в итальянских массах, создала фон для параллельной стратегической попытки либерально-социалистических интеллектуалов

смешивать идеи Грамши о культуре с культурной политикой Итальянской коммунистической партии, а обе политики — со “ждановщиной”. Все это, по-видимому, с самого начала создало интеллектуальную среду, враждебную открытому обсуждению размышлений Грамши о культурной политике» [30, р. 440].

В наши дни, благодаря многогранной, продолжавшейся многие десятилетия работе, связанной с экзегетикой текстов Антонио Грамши, а также интерпретацией и реинтерпретацией его политико-философского наследия, большинство ученых начинают постепенно разделять позицию, сформулированную Паолой Мерли. По ее мнению, «культурные институты в трудах и политической практике Грамши предтюремного периода занимали особое, стратегическое место среди префигуративных пролетарских институтов. Они играли центральную роль в его теории и стратегии революционного процесса социалистического преобразования общества. Без понимания роли культурных институтов поздняя теория Грамши о формировании органических интеллектуалов и новой гегемонии, по-видимому, оказывается лишенной какого-либо конкретного применения» [29, р. 422].

Еще в 1970-е гг. Реймонд Уильямс книге «Марксизм и литература» в главе, посвященной проблеме гегемонии, связывал последнюю с категорией «господствующего», в то время как концепции «контргегемонии» и «альтернативной гегемонии» были введены как «реальные и устойчивые элементы практики» для объяснения «сопротивления или оппозиции», а также категории «альтернативного» [47, р. 113]. Тем самым Уильямс приступил к пересмотру понятия «гегемония». Фактически, вся обозначенная выше глава была посвящена всестороннему развитию категорий «господствующего», «остаточного» и «возникающего» [47, р. 121–127]. «Остаточное», пояснял Уильямс, «может иметь альтернативное или даже оппозиционное отношение к доминирующей культуре», но в то же время доминирующая культура включила в себя часть “остаточного” посредством работы “избирательной традиции”. «Возникающее», напротив, было своего рода «новым», которое состояло из новых ценностей, значений и практик, вызванных появлением нового класса, и не было включено в доминирующую культуру, оставаясь по отношению к ней «альтернативным» и «оппозиционным» [47, р. 122–123]. По мнению П. Мерли, хотя эти категории

можно рассматривать «как развитие или экстраполяцию» идей Грамши о «традиционных интеллектуалах» как «остатке» более ранней гегемонии и об «органических интеллектуалах» — выходцах из подчиненных классов, у Грамши эти концепты еще не были обобщены и схематизированы [28, р. 405] (ср.: [45; 46; 11; 6, р. 4–7; 16, р. 237; 15 *passim*]).

В начале 1980-х гг. Абнер Коэн в своей работе «Политика культуры элит» (*The Politics of Elite Culture*) использовал сходные в типологическом плане аналитические принципы с целью исследования «драматического процесса, лежащего в основе развития мистицизма в артикуляции элитарной организации. Совокупность символических верований и задействованных в этом драматургических практик формирует нормативную культуру, которая посредством различных процессов мистификации разрешает главное противоречие в формировании и функционировании элитной группы» [8, р. XIII]. Коэн подчеркивает, что любая элита представляет собой совокупность лиц, занимающих руководящие должности в какой-либо важной сфере общественной жизни и разделяющих разнообразные интересы, обусловленные сходством образования, опыта, общественных обязанностей и образа жизни. Для достижения этих интересов они стремятся к сотрудничеству и координации своих действий посредством корпоративной организации. Некоторые из этих интересов могут быть выражены в рамках формального объединения, например, в медицинской профессии [8, р. XVI]. Одна из непосредственных целей такого подхода заключалась в том, чтобы обосновать в конечном итоге стратегически акцентуированное определение элит. «Более близким термином, — отмечает Коэн, — была бы “властная группа”, но это, вероятно, привело бы к расплывчатым и порой неуклюжим формулировкам. Поэтому приходится вернуться к понятию “элита”, которое можно совместить в точном значении с гибкостью обозначения. Оно обозначает совокупность людей, занимающих руководящие позиции в какой-либо сфере общественной жизни, которые открыто не образуют отдельной группы, но тем не менее скрыто являются группой, неформально сотрудничающей и координирующей свои стратегии действий. В этом смысле этот термин, по сути, будет обозначать социокультурную группу, которая аналитически не сильно отличается от групп, описываемых как “этнические” или “религиозные”... Обсуждение в послед-

ней части книги дает лишь поверхностное представление о повсеместности, интенсивности, разнообразии и динамичности элитарных культурных представлений, а также об их непрерывной диалектике с меняющимися экономическими и политическими интересами и установками. Именно этот культурный процесс превращает категорию людей, например, представителей определенной профессии или должностных лиц государственного учреждения, в конкретную, корпоративную, взаимодействующую, кооперативную и сплоченную группу. Его символы служат для объединения, маскировки или мистификации главного противоречия, лежащего в основе развития и организации элитных групп в целом, противоречия между их универалистскими и партикуляристскими тенденциями, между обязанностями их членов служить более широкой публике и их одновременным стремлением развивать свои собственные групповые интересы» [8, р. 233, 216–217] (ср.: [7, р. 15, 67, 107, 110; 21, р. 109 sq. ; 9 passim])¹.

¹ На наш взгляд, компромиссная формулировка, соединяющая классическую традицию как с методологией, разработанной А. Козном и Р. Уильямсом, так и с концепцией дискурс-анализа Т. ван Дейка, на наш взгляд, была представлена Аластером Джонстоном в статье «Размышляя о стратегической культуре», которая была опубликована в 1995 г., т.е. еще за несколько лет до начала его знаменитого интеллектуального спора с Колином Греем: «Как могло бы выглядеть полезное определение стратегической культуры? По сути, нам необходимо понятие стратегической культуры, которое или поддается фальсификации, или, по крайней мере, демонстрирует отличие от нестратегических культурных переменных; которое отражает то, что стратегическая культура предположительно должна делать, а именно — предоставлять лицам, принимающим решения, уникально упорядоченный набор стратегических выборов, из которых мы можем делать прогнозы относительно поведения... Для простоты, кажется, лучше всего начать с выборочного переноса основных элементов культуры в стратегию. Я предполагаю, что стратегическая культура, если она существует, представляет собой идеальную среду, которая ограничивает поведенческий выбор. Но я также предполагаю, что из этих ограничений можно вывести конкретные прогнозы относительно стратегического выбора. Поэтому я склоняюсь к использованию первоначального определения стратегической культуры, которое является парафразом определения Гирцем религии как культурной системы. Стратегическая

На рубеже 1980–1990-х гг. широкое применение методов дискурс-анализа в политических науках во многом способствовало возникновению новых тенденций «спецификации» элит. Типичным примером в этом плане является обоснование Т. ван Дейком правомерности выделения категории «символические элиты» для лучшего понимания особенностей современного публичного дискурса. Его позиция состоит в том, что, несмотря на преимущественный доступ большинства элит к публичному дискурсу и их значительный потенциал влияния на общественное мнение, особое внимание следует уделять тем элитам, которые непосредственно контролируют публичный дискурс. Традиционный термин «лидер общественного мнения» уже предполагает, что определенные элиты играют более заметную роль в публичных дебатах. Наиболее значимыми являются решения, действия и мнения символических элит — тех групп, которые непосредственно участвуют в принятии и легитимации общих политических решений, а именно, — влиятельных политиков, ведущих редакторов, режиссеров телевизионных программ, обозревателей, писателей, авторов учебников и специалистов в области гуманитарных и социальных наук. «За исключением ведущих политиков, большинство символических элит обладают ограниченной прямой властью в плане богатства или принятия решений, затрагивающих большие группы людей. Более того, их контроль ограничен сферой слов и идей, даже если косвенно они могут оказывать значительное влияние на умы других элит (например, политиков) и, соответственно, на государственную политику. Следовательно, такие элиты имеют основу власти, состоящую из “символического капитала”» [39, р. 46–47] (см. также: [4 *passim*; 33, р. 91, 300]).

культура — это интегрированная “система символов (например, структур аргументации, языков, аналогий, метафор), которая способствует установлению всеобъемлющих и долгосрочных стратегических предпочтений путем формулирования концепций относительно роли и эффективности военной силы в межгосударственных политических отношениях и придания этим концепциям такого ореола фактичности, что стратегические предпочтения кажутся исключительно реалистичными и действенными”» [17, р. 45–46].

На наш взгляд, в плане дискурсивной вариативности еще бóльшую роль в области анализа элит сыграло возникновение в начале нашего века нового научного направления, получившего название «дискурсивный институционализм», который «является зонтичной концепцией для широкого спектра работ в области политической науки, учитывающих основное содержание идей и интерактивные процессы, посредством которых идеи передаются и обмениваются через дискурс» [37, р. 3]. Вивиен Шмидт определяет дискурс как «разговор о своих идеях... [он] охватывает не только предметное содержание идей, но и интерактивные процессы, посредством которых идеи передаются». Дискурс — это не только идеи или «текст» (то, что сказано), но и контекст (где, когда, как и почему это было сказано). Термин относится не только к структуре (что сказано, или где и как), но также и к деятельному актору (кто, кому, что сказал). Таким образом, институты рассматриваются как «данность» (как контекст, в котором акторы думают, говорят и действуют) и как «случайность» (как результат мыслей, слов и действий акторов). Институты являются внутренними по отношению к акторам, выступая как структуры, сдерживающие акторов, и как конструкции, созданные и измененные этими акторами. Впоследствии действия, предпринимаемые акторами, стали определяться как процесс, в котором акторы создают и поддерживают институты, используя их фоновые идейные возможности. Дискурс как интерактивный процесс наделяет участников способностью трансформировать институты. Изменения часто являются результатом таких интерактивных процессов в критические моменты. Таким образом, институциональные изменения динамичны и объяснимы с течением времени через идеи и дискурс акторов [36, р. 313–314, 316, 322; 37, р. 3, 9–12; 5, р. 341 sq.].

В рамках нового направления возник широкий спектр дефиниций, отражающих стремление специалистов выявить ранее не изученные аспекты активного воздействия идей на институциональные процессы и проекты. Идеи рассматриваются как «переключатели интересов, дорожные карты..., как стратегические конструкции или стратегическое оружие в борьбе за контроль, как нарративы, формирующие понимание событий, или как “референтные рамки”, разновидности коллективной памяти или национальных традиций» [36, р. 306]. Наконец,

идеи отождествляются с «программными убеждениями», «которые действуют в пространстве между мировоззрениями и конкретными политическими идеями»; как «ядра политики», предоставляющие собой «наборы диагностики и предписаний для действий», или как «определения проблем», устанавливающие диапазон возможных решений последних» [Ibid.].

Обозначенные выше методологические установки и «программные убеждения» действительно способствовали в конечном итоге «переключению внимания» политологов в направлении реинтерпретации стратегической культуры. Например, в своей обширной статье «Переосмысление стратегической культуры: вычислительно-дискурсивно-институциональный подход (социальные науки)», Тамир Либель, политолог из Барселонского университета отмечал, что интерпретация стратегической культуры в рамках новейшей концепции дискурсивного институционализма может разрешить трудности, с которыми сталкиваются прошлые и настоящие теории при попытке объяснить изменения. Новый подход будет способствовать решению основной институциональной проблемы — как институты влияют на действия людей. Обращение к идеям ослабляет фундаментальные предположения старых подходов («исторический институционализм», «новый институционализм»), согласно которым «институты находятся в стабильном равновесии с фиксированными рационалистическими предпочтениями, самоусиливающимися историческими путями или всеопределяющими культурными нормами». Вместо этого в дискурсивном институционализме «принято, что идеи и дискурс имеют значение в том плане, что они сосредотачиваются на более интересном для политологов наборе вопросов, а именно, как, когда, где и почему идеи и дискурс имеют значение» [25, р. 698–699] (см. также: [26, р. 353–355]).

Либель концептуализирует стратегическую культуру как состоящую из субкультур, каждая из которых обладает своей собственной индивидуальностью и базируется на мировоззрении элитной группы, социальный статус которой обеспечивает им легитимность, необходимую для вмешательства в публичную сферу. Хиль Эяль и Лариса Бухгольц определяют такие субкультуры как эпистемические сообщества, выступающие в качестве ключевых действующих лиц в таких вмешательствах и обеспечивающие идеальную операциони-

зацию изменений в стратегической культуре. Эпистемическое сообщество изначально определялось как сеть профессионалов с признанной компетенцией и опытом в определенной области, а также как авторитетная заявка на получение важных для политики знаний по этой теме. Овладевая процессом выработки политики, эпистемическое сообщество способно формировать символический дискурс стратегической элиты и, следовательно, самой стратегической культуры [12, p. 128–129] (см. также: [32 *passim*; 34, p. 187 sq.]).

Отнюдь не «побочным эффектом» обозначенного выше «поворота к идеям» в форме дискурсивного институционализма может считаться разработка Джанин Уэдел, известным американским антропологом, концепции «элит влияния» (*influence elites*), тесно взаимосвязанной с ее многочисленными работами, посвященными проблемам коррупции, источником которых она считает современные «властные элиты» (*power elites*) и «теневые элиты» (*shadow elites*) [см.: 40; 10; 41; 42; 43] (см. также: [1; 20]).

В своей программной статье «От властных элит к элитам влияния: перезагрузка исследований элит в XXI веке» Дж. Уэдел стремится обосновать неизбежность «преодоления» теории элитарного господства, в рамках которой анализ элит традиционно осуществлялся «в терминах стабильных позиций на вершине устойчивых институтов» [44, p. 1]. «Сегодня многие условия, породившие эти стабильные командные посты, утрачены. Некоторые ученые утверждают, что возник новый тип элиты, реагирующий на новые условия. Таким образом, теория заслуживает пересмотра. В данной статье выдвигается аргумент о современных “элитах влияния”. Эти элиты определяются своим *modus operandi*, а не семейным или классовым происхождением, богатством или институциональным положением. То есть их идентифицируют по тому, как они действуют, а не по их происхождению, накопленному капиталу или официальному положению, которое они занимают в данный момент. Появление этих новых способов функционирования является прямым следствием фундаментальных изменений в политических, экономических и социальных институтах за последние несколько десятилетий. Хотя теоретические и эмпирические исследования институтов часто отмечают их устойчивость в определенные периоды времени, даже в развитых обществах инсти-

туциональные изменения происходят часто. Эпоха дерегулирования и приватизации 1980-х гг., окончание холодной войны и последовавшее за этим размывание глобальной власти, а также развитие цифровых технологий привели к разрушению существующих институтов. Не менее важны и способы финансирования, в рамках которых рынки капитала и их ответвления оказывают значительное влияние на экономические и политические институты. Воспользовавшись преимуществами этой новой институциональной экосистемы — фрагментированного пространства управления и более гибких, разнообразных и децентрализованных структур власти, различные игроки, включая некоторые традиционные элиты, нашли гибкие способы работы. На вершине пищевой цепочки находятся влиятельные элиты, процветающие в условиях нестабильности. В частности, элиты влияния определяются (1) их гибкостью, меняющимися и пересекающимися ролями и отсутствием постоянной привязанности к какому-либо конкретному сектору или организации для достижения своих стратегических целей; (2) их неформальностью и вытеснением формальных структур и процессов (при этом не исключается их использование в выгодных случаях); (3) мобилизуемыми ими организациями, включая консалтинговые компании, аналитические центры и неправительственные организации; и (4) их связующей ролью, положением в официальной, корпоративной, частной организационной экосистеме (включая вышеуказанные организации) и сетях взаимодействия друг с другом. Поскольку они возникли, чтобы воспользоваться преимуществами новой институциональной экосистемы, и поскольку они практикуют особый *modus operandi*, для их описания необходим новый термин» [44, р. 1].

Конечный вывод Дж. Уэдел состоит в следующем: «Сила элит влияния в меньшей степени опирается на иерархии и стабильные сети, которые подчеркиваются во многих традиционных теориях элит. По большей части речь идет об их способности быть гибкими и изменчивыми, умении привлекать такие организации, как аналитические центры и консалтинговые фирмы, которые также обладают этими качествами. Хотя сегодняшние элиты влияния связывают военные, политические и правительственные (и другие) сферы посредством неформальных сетей, как и во времена Миллза, организация, деятель-

ность и функции этих связующих звеньев изменились. Сферы власти Миллза, которые сегодня должны были бы охватывать СМИ и инструменты власти, такие как аналитические центры и консалтинговые фирмы, также обслуживаются сетями игроков, которые, что крайне важно, размывают роли и усиливают собственное влияние» [44, р. 17].

* * *

Одной из главных целей статьи является попытка понять, каким именно образом осуществляется эволюция в области интерпретации элит в современной политической теории независимо от контекстов и ракурсов интерпретации и даже субъективных установок самих теоретиков. Исследуя дискуссионные проблемы, связанные с анализом элит в контексте многообразных концепций стратегической культуры, я лишний раз убеждался в правомерности гипотезы, которая неоднократно подтверждалась в аналитике других не менее сложных проблем и сюжетов. Главный довод, лежащий в основе данной гипотезы, состоит в том, что эволюция многообразных теорий элит происходит не линейно, к ней неприменимо само понятие «прогресс». Скорее, она осуществляется и структурируется в соответствии с гипотезой, предложенной Чарльзом Дарвином. Многие популярные версии псевдодарвинистского мифа (хотя и не все) представляют эволюционный процесс как пирамиду или лестницу, существующую с целью создания ЧЕЛОВЕКА в качестве его вершины, а иногда как запрограммированные на дальнейшее развитие ЧЕЛОВЕКА до какой-то далекой «Точки Омега» (Тейяр де Шарден), которая еще больше прославит современные западные идеалы. Это представление не имеет основы в сегодняшней биологической теории. Последняя изображает формы жизни совершенно иначе, а именно — по схеме, описанной Дарвином в «Происхождении видов» — как распространяющиеся кустовым способом, из общего источника для заполнения имеющихся ниш без какого-либо особого «восходящего» направления. Концепция, изображающая пирамиду, была предложена Жаном-Батистом Ламарком и разработана Пьером Тейяром де Шарденом; она вообще не принадлежит современной науке, а, скорее, традиционной метафизике [см.: 31, р. 9–12].

На наш взгляд, одна из наиболее важных причин, препятствующая реализации идеи «эволюционной пирамиды» в решении проблемы элитарных аспектов стратегической культуры, состоит, с одной стороны, в ее междисциплинарном характере, а с другой, — в постоянно подтверждаемой историческим опытом предельной устойчивости ранней традиции интерпретации элит, которая сформировалась в социологии и социальной философии Вильфредо Парето, Гаэтано Моска, Макса Вебера, Роберта Михельса, Антонио Грамши, Чарльза Райта Миллза и многих других.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуторов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Телефон: +7 (812) 363-60-00 доб. 6171. **Электронная почта:** gut-50@mail.ru.

Research Article

VLADIMIR A. GUTOROV¹

¹ St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya emb., 199034, St. Petersburg, Russia

**STRATEGIC CULTURE AND ELITES:
POLITICAL-THEORETICAL ASPECTS OF ANALYTICS**

Abstract. The concept of strategic culture was initially associated with national traditions, values, views, patterns of behavior, habits, symbols, achievements, and specific ways of adapting to the environment and solving problems associated with the threat or use of force. As a fundamental element of policy, strategic culture reflects the state's fundamental security needs. It constitutes an organizational field within which the generation of ideas through intellectual experimentation and the reflexive understanding of ideological practices can be viewed as a single discursive process that exerts a powerful influence on political consciousness. Western studies of strategic culture have gone through three distinct stages of development. The first generation, in the late 1970s and early 1980s, consisted of Sovietologists and security policy specialists with no theoretical ambitions. The second generation, which emerged in the mid-1980s, also focused on superpowers, but their reasoning was primarily oriented toward a Gramscian perspective. Members of the third generation, beginning in the early 1990s, sought to examine the role of strategic and organizational cultural norms in strategic choice, while simultaneously attempting to evaluate and explain new approaches that did not fit into dominant

neorealist explanations (A.I. Johnston). Strategic culture, gradually establishing its status in international political theory, was primarily viewed as equivalent to values, behavioral patterns, or symbolic systems. From a theoretical and methodological perspective, the most noteworthy is the heated debate between K. Gray and A.I. Johnston on the initial principles on the basis of which the definition of strategic culture can be considered objective and consistent. According to K. Gray, the main reason for A. Johnston's aberrations is that he attempted to separate ideas from behavior. On the contrary, strategic culture should be viewed both as the context that shapes behavior and as a component of that behavior itself. A person, organization, or security community deprived of culture is, by definition, removed from the process of learning from its past and, as it were, falls out of it. The philosophical thrust of the theoretical debate between two prominent scholars and theorists clearly points to a spontaneous desire to reconceptualize strategic culture from a "Gramscian perspective". Nowadays, thanks to the multifaceted work that has been going on for many decades, connected with the exegesis of Antonio Gramsci's texts, as well as the interpretation and reinterpretation of his political and philosophical legacy, most scholars are gradually beginning to share the position according to which in the works and political practice of Gramsci's pre-prison period, the idea of cultural institutions occupied a special "strategic place" (R. Williams, P. Merli). In the early 1980s, Abner Cohen, in his work "The Politics of Elite Culture", used similar typological analytical principles to explore the dramatic process underlying "the development of mysticism in the articulation of an elite organization". The complex of symbolic beliefs and the dramaturgical practices involved forms a normative culture that, through various processes of mystification, resolves the central contradiction in the formation and functioning of an elite group. One of the immediate goals of Cohen's analysis was to ultimately substantiate a *strategically focused definition of elites*. At the turn of the 1980s and 1990s, the widespread use of discourse analysis methods in political science contributed significantly to the emergence of new trends in elite "specification". A typical example in this regard is T. van Dijk's justification of the legitimacy of identifying the category of "symbolic elites" for a better understanding of the characteristics of modern public discourse. However, in terms of discursive variability, an even greater role in the field of elite analysis was played by the emergence at the beginning of this century of a new scientific direction called "discursive institutionalism", which is an umbrella concept for a wide range of works in the field of political science that take into account the main content of ideas and the interactive processes through which ideas are transmitted and exchanged through discourse (V.A. Schmidt). Within this new field, a wide range of definitions has emerged, reflecting the desire of specialists to identify new aspects of the active influence of ideas on institutional processes and projects. Ideas are viewed as "interest switches, roadmaps, strategic constructs or strategic weapons in the struggle for control, narratives shaping understanding of events, or 'reference

frames, varieties of collective memory or national traditions". The methodological principles and "programmatic convictions" of the new school's proponents have indeed contributed to a shift in political scientists' attention toward a reinterpretation of strategic culture. They seek to conceptualize strategic culture as consisting of subcultures, each with its own distinct identity and based on the worldview of an elite group whose social status provides them with the legitimacy necessary to intervene in the public sphere. By no means a "side effect" of the above-mentioned "turn to ideas" in the form of discursive institutionalism can be considered the development of Janine Wedel's concept of "influence elites", closely connected with her numerous works devoted to the problems of corruption, the source of which she considers to be modern "power elites" and "shadow elites".

Keywords: political strategies, strategic culture, elites, cultural norms, state, security policy, political ideologies, discursive institutionalism, political consciousness.

For citation: Gutorov V.A. Strategic culture and elites: political-theoretical aspects of analytics. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.12.3.1>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Gutorov — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 363–60–00 add 6171. **E-mail:** gut-50@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Birtchnell Th. Shadow elite: How the world's new power brokers undermine democracy, government, and the free market by Janine R. Wedel. *Contemporary sociology: A journal of reviews*. 2011. Vol. 40. No. 1. P. 103–104. <https://doi.org/10.1177/0094306110391764hhh>.
2. Bobbio N. Politica culturale e politica della cultura. *Rivista di filosofia*. 1952. Vol. 43. No. 1. P. 61–74.
3. Bobbio N. Difesa della libertà. *Società*. 1952. Vol. 8. No. 3. P. 512–520.
4. Bourdieu P. *Homo academicus*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1984. 320 p.
5. Capoccia G., Daniel R., Kelemen D.R. The study of critical junctures: Theory, narrative and counterfactuals in historical institutionalism. *World politics*. 2007. Vol. 59. No. 3. P. 341–369. <https://doi.org/10.1017/S0043887100020852>
6. Carley R.F. *cultural studies methodology and political strategy: Metaconjuncture*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 142 p.
7. Cohen A. *Two-Dimensional man: An essay on the anthropology of power and symbolism in complex society*. Berkeley; Los Angeles; London: Routledge, 1974. 156 p.

8. Cohen A. *The politics of elite culture*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2020. 257 p.
9. *Cultural Values in Strategy and Organization*. Ed. by T.K. Das. Charlotte, NC: Information Age Publishing, Inc., 2021. 362 p.
10. Dumas L.J., Wedel J.R., Callman G. *Confronting corruption, building accountability: Lessons from the world of international development advising*. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 203 p.
11. Eagleton T. Marxism and deconstruction. *Contemporary literature*. 1981. Vol. 22. No. 4. P. 477–488. <https://doi.org/10.2307/1207879>
12. Eyal G., Buchholz L. From the sociology of intellectuals to the sociology of interventions. *Annual review of sociology*. 2010. Vol. 36. No. 1. P. 117–137. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102625>
13. Faucheux C. Strategy formulation as a cultural process. *International studies of management and organization*. 1977. Vol. 7. No. 2. P. 127–138. <https://doi.org/10.1080/00208825.1977.11656225>
14. Gray C.S. Strategic culture as context: The first generation of theory strikes back. *Review of international studies*. 1999. Vol. 25. No. 1. P. 49–69. <https://doi.org/10.1017/S0260210599000492>
15. Holt D., Cameron D. *Cultural Strategy: Using innovative ideologies to build breakthrough*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 387 p.
16. Jones G. L. Elite culture, popular culture and the politics of hegemony. *History of European ideas*. 1993. Vol. 16. No. 1–3. P. 235–240. [https://doi.org/10.1016/S0191-6599\(05\)80123-8](https://doi.org/10.1016/S0191-6599(05)80123-8)
17. Johnston A.I. Thinking about strategic culture. *International security*. 1995. Vol. 19. No. 4. P. 32–64. <https://doi.org/10.2307/2539119>
18. Johnston A.I. *Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. 307 p.
19. Johnston A.I. Strategic cultures revisited: Reply to Colin Gray. *Review of international studies*. 1999. Vol. 25. No. 3. P. 519–523. <https://doi.org/10.1017/S0260210599005197>
20. Johnston M. Shadow elite: How the world's new power brokers undermine democracy, government and the free market by Janine R. Wedel. New York: Basic Books, 2009. *Governance*. 2013. Vol. 26. No. 4. P. 698–700. <https://doi.org/10.1111/gove.12051>
21. Keller J., Wen Chen E. Culture, paradoxical frames, and behavioral strategy. *Cultural values in strategy and organization*. Ed. by T. K. Das. Charlotte, NC: Information Age Publishing, Inc., 2021. P. 109–132.

22. Kier E. Culture and military doctrine: France between the wars. *International security*. 1995. Vol. 19. No. 4. P. 65–93. <https://doi.org/10.2307/2539120>
23. Klein B. Hegemony and strategic culture: American power projection and alliance defense politics. *Review of international studies*. 1988. Vol. 14. No. 2. P. 133–148. <https://doi.org/10.1017/S026021050011335X>
24. Legro J. *Cooperation under fire: Anglo-German restraint during World War II*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013. 255 p.
25. Libel T. Rethinking strategic culture: A computational (social science) discursive-institutionalist approach. *The journal of strategic studies*. 2020. Vol. 43. No. 5. P. 686–709. <https://doi.org/10.1080/01402390.2018.1545645>
26. Libel T. Strategic culture as a (discursive) institution: A proposal for falsifiable theoretical model with computational operationalization. *Defence studies*. 2020. Vol. 20. No. 4. P. 353–372. <https://doi.org/10.1080/14702436.2020.1814152>
27. Lord C. American strategic culture. *Comparative strategy*. 1985. Vol. 5. No. 3. P. 269–293. <https://doi.org/10.1142/S2377740024500192>
28. Merli P. Creating the cultures of the future: Cultural Strategy, policy and institutions in Gramsci. Part I: Gramsci and cultural policy studies: Some methodological reflections. *International journal of cultural policy*. 2013. Vol. 19. No. 4. P. 399–420. <https://doi.org/10.1080/10286632.2011.643872>
29. Merli P. Creating the cultures of the future: Cultural strategy, policy and institutions in Gramsci. Part II: Cultural strategy and institutions in Gramsci's early writings and political practice. *International journal of cultural policy*. 2013. Vol. 19. No. 4. P. 421–438. <https://doi.org/10.1080/10286632.2011.643873>
30. Merli P. Creating the cultures of the future: Cultural strategy, policy and institutions in Gramsci. Part III: Is there a theory of cultural policy in Gramsci's prison notebooks? *International journal of cultural policy*. 2013. Vol. 19. No. 4. P. 439–461. <https://doi.org/10.1080/10286632.2011.643874>
31. Midgley M. The origin of ethics. *A companion to ethics*. Ed. by P. Singer. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1993. P. 3–13.
32. Mirow W. *Strategic culture, securitisation and the use of force: Post-9/11 security practices of liberal democracies*. London: Routledge, 2016. 267 p.
33. *Measuring identity: A guide for social scientists*. Ed. by R. Abdelal, Y.M. Herrera, A.I. Johnston, R. McDermott. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 428 p.
34. Najmaei A. The case of executives' cultural intelligence in behavioral strategy: An introductory essay and a research agenda. *Cultural values in strategy and organization*. Ed. by T.K. Das. Charlotte, NC: Information Age Publishing, Inc., 2021. P. 187–228.

35. Putnam R.D. Studying elite political culture: The case of “ideology”. *American political science review*. 1971. Vol. 65. No. 3. P. 651–681.
<https://doi.org/10.2307/1955512>
36. Schmidt V.A. Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse. *Annual review of political science*. 2008. Vol. 11. No. 1. P. 303–326.
<https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342>
37. Schmidt V.A. Taking ideas and discourse seriously: Explaining change through discursive institutionalism as the fourth “new institutionalism”. *European political science review*. 2010. Vol. 2. No. 1. P. 1–25.
<https://doi.org/10.1017/S175577390999021X>
38. Snyder J. *The Soviet strategic culture: Implications for limited nuclear operations: A project Air Force report prepared for the United States Air Force*. Santa Monica, Calif.: Rand, 1977. 40 p.
39. van Dijk T.A. *Elite discourse and racism*. Newbury Park; London; New Delhi: SAGE Publications, 1993. 320 p.
40. Wedel J.R. *Shadow elite: How the world's new power brokers undermine democracy, government, and the free market*. New York: Basic Books, 2009. 283 p.
41. Wedel J.R. Beyond conflict of interest: Shadow elites and the challenge to democracy and the free market. *Polish sociological review*. 2011. Vol. 174. No. 2. P. 149–165. <https://doi.org/10.2307/41275196>
42. Wedel J.R. Rethinking corruption in an age of ambiguity. *Annual review of law and social science*. 2012. Vol. 8. No. 1. P. 453–498.
<https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.093008.131558>
43. Wedel J.R. *Unaccountable: how elite power brokers corrupt our finances, freedom, and security*. New York; London: Pegasus Books, 2016. 386 p.
44. Wedel J.R. From power elites to influence elites: Resetting elite studies for the 21st century. *Theory, culture & society*. 2017. Vol. 34. No. 5–6. Special issue: Elites and power after financialization. P. 1–26.
<https://doi.org/10.1177/0263276417715311>
45. Williams G.A. The concept of “egemonia” in the thought of Antonio Gramsci: Some notes on interpretation. *Journal of the history of ideas*. 1960. No. 21. No. 4. P. 586–599. <https://doi.org/10.2307/2708106>
46. Williams R. Base and superstructure in Marxist cultural theory. *New left review*. 1973. Vol. 1. No. 82. P. 3–16. <https://doi.org/10.64590/vvo>
47. Williams R. *Marxism and literature*. Oxford: Oxford University Press, 1977. 224 p.

КАРЬЕРЫ И РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.2>.

EDN: PSLYGO

Д.Б. ТЕВ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

ДИНАМИКА ПОСТДУМСКОЙ КАРЬЕРЫ В ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СФЕРЕ И БИЗНЕСЕ¹

Аннотация. Анализируется динамика карьеры депутатов Госдумы после ухода с должности. В качестве эмпирической основы исследования выступает биографическая база данных, которая содержит сведения о карьере после прекращения полномочий депутатов I—VII созывов. Исследование позволило выявить ряд тенденций посткарьеры. Во-первых, произошло сокращение доли переходов в федеральную администрацию, включая элитные (в частности, правительственные) посты. Во-вторых, возросла частота перемещений в легислатуры субъектов РФ и Совет Федерации. В-третьих, усилилось преобладание компаний частного сектора и повысилась роль собственного / семейного бизнеса как места работы экс-депутатов и одновременно ослабла их миграция на посты наемных менеджеров и в крупные корпорации. Автор заключает, что структура элитной постдумской занятости в госаппарате существенно изменилась: если выходцы из I и II созывов чаще всего занимали элитные позиции на федеральном уровне и в административных органах, то выходцы из VI и VII созывов — в основном на региональном уровне и в органах представительной власти. Также рассматриваются факторы, влия-

¹ Статья представляет собой переработанную версию более ранней публикации: [9].

ющие на динамику постдумской карьеры, такие как ослабление нижней палаты парламента по отношению к исполнительной власти, изменение порядка формирования СФ и рекрутирования глав регионов, формирование конгруэнтной партийной системы, превращение «Единой России» в доминирующую партию, отказ от практики совмещения должностей в парламенте и правительстве, повышение возраста выбытия из Госдумы.

Ключевые слова: Государственная Дума, депутаты, карьера после ухода с должности, администрация, региональные legislatures, Совет Федерации, бизнес.

Для цитирования: Тев Д.Б. Динамика постдумской карьеры в политико-административной сфере и бизнесе // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 3. С. 31–62. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.2>. EDN: PSLYGO

ВВЕДЕНИЕ

Значимость изучения постпарламентской карьеры и ее исторической динамики обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, такое исследование позволяет лучше понять особенности данной общественно-политической системы и ее эволюции, роль в ней различных институтов власти (включая, парламент, правительство, региональные администрации, бизнес) и характер их взаимоотношений в различные периоды, отражением и закреплением которых отчасти служат элитные карьерные траектории. В этой связи, говоря конкретнее, следует отметить, что важность проблеме динамики посткарьеры депутатов Госдумы придают значительные изменения, произошедшие в политической системе РФ, в организации различных властных институтов и отношениях между ними в период правления В.В. Путина. Среди них, в частности, ослабление ГД и усиление исполнительной и президентской власти, изменение порядка формирования СФ, централизация власти, трансформация партийной и избирательной систем. Все эти и другие тенденции могли существенно изменить структуру возможностей постдумской занятости, повлияв на привлекательность и доступность [13] тех или иных властных должностей для законодателей.

Во-вторых, знание карьеры парламентария после ухода с должности важно и для понимания его политического поведения во время осуществления полномочий. Перспективы будущей занятости

способны влиять на поведение представителей публичной власти, которые могут приспосабливать его к интересам потенциального работодателя, что иногда ведет к конфликту интересов, нанося ущерб государству и обществу [15, р. 357–358; 28, р. 134–156]. В-третьих, анализ динамики постпарламентской карьеры проясняет вопрос об устойчивости членства в элите в разные эпохи, а именно, о том, влечет ли за собой уход из парламента выпадение из властной элиты вообще или переход в элитные группы иной функциональной специализации или уровня. Наконец, исследование динамики постпарламентской карьеры необходимо и для оценки степени внутри — и межфракционной элитной интеграции в различные периоды, одним из показателей и одновременно факторов которой могут выступать переходы депутатов в другие властные группы, создающие динамические переплетения между ними.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В странах Запада проведен ряд исследований постпарламентской карьеры, говоря о результатах которых можно выделить четыре аспекта. Во-первых, раскрыта роль различных институциональных секторов как сферы постпарламентской занятости. Показано, что многие парламентарии после ухода с должности остаются в политико-административной сфере, в то же время весьма распространена занятость в частном, прежде всего коммерческом секторе. Так, исследование посткарьеры членов Конгресса США, избранных в 1947–1993 гг., выявило, что 35 % получили другую работу в политической сфере, а 52 % перешли в частный сектор [18, р. 360]. Другое исследование американских конгрессменов, ушедших в отставку в 1971–1992 гг., показало, что относительное большинство оказалось за пределами политической сферы, занявшись частной юридической практикой или частным бизнесом. В то же время некоторые вошли в состав федеральной бюрократии или, гораздо реже, бюрократии штатов, а также перешли в лоббистскую сферу [22, р. 491]. В свою очередь, исследование германских и голландских парламентариев, покинувших должность (соответственно, в 1998–2013 гг. и в 1983–2015 гг.), установило, что немногим более 40 % перешли в публичный сектор, но большинство, чуть менее 60 %, — в частный [17]. Также исследование бывших членов

нижней палаты парламента Ирландии в период с 1989 по 2016 гг. выявило, что чуть менее 30 % перешли в различный бизнес (включая фермерство и мелкие фирмы), а примерно треть оказались в верхней палате, местных советах, политических партиях или органах публичной власти ЕС [12, р. 388].

Во-вторых, исследователей интересовало, в какой степени бывшие депутаты способны получать более или хотя бы столь же привлекательную (в плане власти, дохода и пр.) работу, в сравнении с парламентской должностью, как в политическом, так и в частном секторе. Исследование германских парламентариев, покинувших Бундестаг в 1998–2009 гг., показало, что примерно 12 % заняли более привлекательную позицию в частном секторе, а более 10 % — в публичном [32, р. 10]. Согласно данным исследования нидерландских парламентариев 1967–2017 гг., чуть более чем половине из них удалось занять более или столь же привлекательную позицию в плане зарплаты и примерно 45 % перешли на столь же или более привлекательные высшие должности (Top Functions) [31]. Наконец, по данным уже упомянутого исследования германских и нидерландских законодателей, среди тех из них, кто переместился в публичный сектор, почти 45 % перешли на более привлекательную должность, то же можно сказать о почти четверти тех, кто оказался в частном секторе [17]. В общем, несмотря на разные оценки, для значительной части парламентариев законодательная позиция служила трамплином к более привлекательным должностям.

В-третьих, большое внимание уделено факторам, влияющим на постпарламентскую занятость в различных сферах и, прежде всего, переход на более или столь же привлекательные (в сравнении с парламентской) позиции в них. Показано, что на перспективы постпарламентской занятости влияет тип ухода из легислатуры. Парламентарии, добровольно покинувшие ее, имея возможность остаться (переизбраться), чаще занимают привлекательные позиции, чем законодатели, покинувшие свой пост вынужденно, в результате поражения на стадии выдвижения или выборов, или по причине скандала (что вредит их репутации в глазах потенциальных работодателей), особенно в публичном секторе [17; 31; 32]. Кроме того, чаще переходят на привлекательные позиции депутаты, занимающие руководящие

посты в правительстве, легислатуре и партиях (они обычно имеют более широкие политические связи, ценные для потенциальных работодателей) [17; 32].

Что касается влияния партийной принадлежности парламентариев на постпарламентскую занятость, то результаты исследований неоднозначны. Некоторые исследования показали, что принадлежность как к правящей партии, так и к партии с дружественной бизнесу идеологией значительно не повышает вероятность работы на более привлекательной позиции в частном секторе после отставки [17; 32]. В то же время принадлежность парламентариев ФРГ к Левой партии, для многих членов которой характерны антикапиталистические взгляды, оказалась негативно связана с успешной посткарьерой в частном секторе [32]. Также анализ посткарьеры ирландских парламентариев показал, что бывшие депутаты от либеральных и консервативных партий гораздо чаще, чем депутаты от Лейбористской партии, работали в частном секторе [12]. В свою очередь, исследование британских парламентариев также выявило, что бывшим членам Палаты общин от Консервативной партии удавалось получать выгодные постпарламентские должности в бизнесе, а лейбористам — нет [19]. При этом другие британские авторы указывают на отсутствие значимых межпартийных различий по типу и сектору занятости после ухода из легислатуры [14]. Наконец, исследование итальянских депутатов установило, что представители левоцентристской коалиции (особенно когда она была правящей) вероятнее, чем правоцентристы, назначались в советы директоров госпредприятий, что обусловлено особенностями идеологии и предпарламентского опыта [25].

В-четвертых, собственно историческая динамика постпарламентской карьеры в развитых капиталистических демократиях изучена слабо, будучи, насколько известно, предметом всего одной, но важной статьи. Упомянутое исследование посткарьеры нидерландских парламентариев показало, что они все чаще перемещаются в частный сектор, причем все в большей степени способны занимать там более или столь же привлекательные (в сравнении с депутатской) позиции. Напротив, переходы на аналогичные позиции в политическом секторе происходят все реже (что, вероятно, связано со снижением относительного положения депутатов в политической сфере) [31].

Что касается России, то проведено исследование карьеры депутатов Госдумы (далее — ГД) после окончания полномочий, его предметом стали общие тенденции (в частности, показана широкая распространенность переходов в администрацию и бизнес, а также в Совет Федерации) [6]. В другой работе выполнен сравнительный анализ посткарьеры депутатов фракций «Единой России» и КПРФ в ГД IV–VI созывов, который выявил межфракционные различия. «Единороссы» чаще переходят в административные органы (обычно на элитные должности) и бизнес (заметное меньшинство входит в общенациональную экономическую элиту), а коммунисты чаще работают в аппарате представительных органов и заседают в региональных легислатурах, избрание в которые является для них основной возможностью сохранить властный статус и принадлежность к элите после ухода из ГД. Кроме того, показано, что особенности постдумской карьеры депутатов во многом связаны с их профессиональным опытом до вхождения в ГД [8]. Важный вклад в понимание факторов посткарьеры депутатов ГД в органах исполнительной власти внесло недавнее исследование А. Ширикова. Основываясь на материалах анализа биографий депутатов ГД 2004–2016 гг., он заключил, что сама по себе законодательная работа не связана позитивно с рекрутированием в эти органы, которому способствуют предшествующий членству в ГД профессиональный опыт и личные связи [30].

Несмотря на значимость исследований, проведенных на российском материале, в них практически не затрагивались историческая динамика постдумской занятости, эволюция посткарьеры депутатов от созыва к созыву. Восполнить этот пробел призвано данное исследование, целью которого служит выявление основных тенденций постдумской карьеры и факторов, их обуславливающих.

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных, содержащая сведения обо всех депутатах ГД I–VII созывов, которые выбыли из нее к концу 2023 г., за исключением тех, кто умер в должности и поэтому в принципе не мог иметь последующей карьеры (количественные характеристики базы отражены в табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Количественные характеристики исследуемой совокупности, чел.

Quantitative characteristics of the study population, people

Характеристика	I СОЗЫВ	II СОЗЫВ	III СОЗЫВ	IV СОЗЫВ	V СОЗЫВ	VI СОЗЫВ	VII СОЗЫВ
Количество депутатов, выбывших из ГД (исключая умерших в должности)	296	320	252	252	258	311	246
Количество выбывших из ГД депутатов, о последующей карьере которых есть информация	234	228	213	201	218	237	199

Метод исследования можно определить как структурно-биографический, поскольку социально-профессиональная структура постдумской занятости депутатского корпуса изучалась в связи с биографией персон, его составляющих [1, с. 158]. На каждого из парламентариев была заполнена анкета, содержащая сведения о дате рождения, образовании и карьерном пути — как до избрания в ГД, так и после выбытия из нее. Источниками информации служили официальные сайты органов власти, коммерческих и других организаций, отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы (viperson.ru, lobbying.ru), а также сервис проверки и анализа российских юридических лиц и предпринимателей Rusprofile.

При этом выявлялась и изучалась не вся карьера депутатов после окончания полномочий, а только их занятость в течение двух лет после отставки, то есть акцент делался на анализе того, трамплином к каким позициям была депутатская должность. Это вызвано тремя соображениями. Во-первых, можно предположить, что именно занятость в первые годы после ухода из ГД в наибольшей мере обусловлена спецификой сопряженных с думской позицией ресурсов, возможностей и амбиций. Во-вторых, исследование постдумской занятости в течение двух лет после ухода с должности (а не за более длительный период) позволяет сравнить ее после всех семи созывов, поскольку

после окончания VII созыва к моменту сбора данных прошло примерно два года. В-третьих, учет всех позиций, занимаемых бывшими депутатами в течение двух лет после отставки, представляется более предпочтительным, чем учет только первой должности после отставки, поскольку, с одной стороны, о ней чаще отсутствует информация, а, с другой, занятость на этой должности иногда носит весьма краткосрочный и, по существу, переходный характер.

В качестве исследуемых сфер занятости выступили административные структуры, представительные органы и бизнес, соответствующие трем основным фракциям властной элиты — административной, политической и экономической.

В целом сведения о работе бывших депутатов ГД на элитных и потому заметных властных должностях в этих сферах (члены СФ, депутаты региональных заксобраний, члены правительства и высокопоставленные федеральные чиновники, губернаторы, генеральные директора крупных компаний) сравнительно доступны. Их отсутствие в открытых источниках, скорее всего, означает, что парламентарий после выбытия из ГД такие позиции не занимал. Этого, однако, нельзя сказать о занятости на других, менее заметных позициях: второстепенных федеральных и региональных административных постах; должностях, особенно, неключевых, в средних и небольших компаниях и пр. Учитывая это, представляется целесообразным при дальнейших подсчетах принимать для элитных постдумских позиций в качестве N общее количество депутатов, покинувших ГД после каждого созыва, не исключая тех, какие-либо сведения о занятости которых после отставки обнаружить не удалось. Напротив, при анализе занятости в администрации и бизнесе в целом в качестве N предпочтительно принимать количество депутатов, о занятости (оплачиваемой или на общественных началах) которых в течение двух лет после ухода из ГД есть хотя бы минимальная информация (см. табл. 1). Но и здесь следует оговориться, что отсутствие в открытых источниках сведений о такой постдумской занятости далеко не обязательно означает, что эти данные носят скрытый, недоступный для исследователя характер. В частности, многие депутаты покидали ГД уже в сравнительно пожилом возрасте и, уйдя на пенсию, действительно могли не иметь последующей занятости.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Постдумская занятость в органах представительной власти

Одним из важнейших мест работы депутатов ГД после окончания полномочий являются другие органы представительной власти, причем, как показывает таблица 2, доля более или менее непосредственных переходов в них имеет тенденцию к росту: она минимальна после I созыва, а наиболее высока после VI и VII созывов (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

**Членство бывших депутатов ГД в органах представительной власти
 (не считая возвратов в ГД) в течение двух лет после ухода
 с должности (в %)**

*Membership of former State Duma deputies in legislative bodies
 (excluding returns to the State Duma) within two years after
 leaving office (in %)*

Представи- тельный орган	I созыв (N=296)	II созыв (N=320)	III созыв (N=252)	IV созыв (N=252)	V созыв (N=258)	VI созыв (N=311)	VII созыв (N=246)
Совет Федерации	1	5	1	2	4	9	6
Региональ- ные законода- тельные собрания	2	2,5	8	6	10	14	14
Местные думы	0	~0,5	~0,5	1	3	2	1
Всего*	2	8	10	8	13	19	18

*Цифра в этой строке может быть меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку бывший депутат в течение двух лет после выбытия из ГД мог состоять в представительных органах разного уровня.

Кроме того, следует отметить, что многие депутаты после отставки, хотя и не входят в состав законодательных органов, но занимают должности, обеспечивающие работу отдельных депутатов (помощники), фракций, комитетов и легислатур в целом (прежде всего, речь идет о самой ГД, но также о СФ и региональных заксобраниях).

Причем доля таких переходов, напротив, снижается: наиболее высока она после I созыва (14 %), а после VI–VII созывов — всего 6 %. Если, однако, суммировать опыт работы бывших депутатов в составе представительных органов (не считая возвратов в ГД) и на должностях, обеспечивающих их работу, то доля таких переходов имеет, хотя и прерывистую, тенденцию к росту, будучи наибольшей в VI и VII созывах. В этом смысле, можно говорить о растущей политической профессионализации посткарьеры депутатов ГД, которая во все большей мере происходит в рамках законодательной вертикали.

Членство в региональных легислатурах после выбытия из ГД

За счет каких позиций растет постдумское членство в представительных органах? Прежде всего, выраженную тенденцию к увеличению имеет доля переходов из ГД в региональные легислатуры — законодательные собрания (далее — ЗС), т.е. случаи нисходящей законодательной карьеры (тогда как переходы в местные думы остаются на довольно низком уровне). В первую очередь, следует сказать об общих факторах, влияющих на такие переходы. Многочисленность региональных законодательных позиций в условиях многосубъектной федерации; известность депутатов ГД в регионах, которые они представляют; их политические навыки (умение вести избирательные кампании и опыт парламентской работы); влиятельная позиция в партиях, связи в элитах — все это способствует рекрутированию в ЗС. С другой стороны, однако, типичная слабость постсоветских ЗС и преобладание в них неоплачиваемой, непрофессиональной занятости снижают привлекательность позиций в них. Вместе с тем такая занятость может быть удобна бывшим депутатам, перешедшим на основную работу в бизнес. Впрочем, депутаты ГД нередко занимают не рядовые позиции в ЗС, а руководящие посты — председателей комитетов, вице-спикеров и, в ряде случаев, больше всего их — шесть — было после VII созыва, спикеров, которые чаще всего предполагают оплачиваемую, постоянную занятость, более престижны и влиятельны.

Говоря о факторах роста распространенности посткарьеры депутатов ГД в ЗС, следует отметить ряд моментов. Во-первых, в 2000-е гг.

в России произошел переход от территориально неконгруэнтной к конгруэнтной партийной системе. В связи с законодательными изменениями (введением пропорциональной системы, предоставлением партиям монопольного права выдвижения кандидатов, запретом региональных партий) общенациональные парламентские партии получили возможность массово проводить своих кандидатов не только в ГД, но и в региональные legislatures (чьи депутаты ранее были в основном беспартийными) [3; 5, с. 16–17]. Причем доминирующую роль в партийной системе и в составе legislatures (ГД и ЗС) стала играть партия «Единая Россия» с централизованным способом отбора кандидатов [29, р. 14]. Все это благоприятствовало миграции законодателей между различными уровнями представительной власти и формированию интегрированного (в отличие от доминировавшего в 1990-е гг. альтернативного) паттерна законодательной карьеры [29]. В этой связи следует, однако, отметить, что, в частности, в III созыве росту числа случаев нисходящей законодательной карьеры могла способствовать и высокая доля выходцев из фракции КПРФ: этой партии раньше многих других удалось совместить возможность относительно успешно продвигать своих кандидатов на федеральный и региональный уровни законодательной власти.

Во-вторых, следует особо сказать о том, что непосредственным переходам из ГД в ЗС (как и обратному движению) способствовало введение в 2005 г. единого дня голосования, благодаря которому депутаты могут одновременно баллотироваться в ГД и ЗС. Количество ЗС, выборы которых проводились одновременно с выборами в Думу,росло: в 2003 г. их было 7, в 2007 г. — 9, в 2011 г. — 27, в 2016 и 2021 гг. — уже 39.

В-третьих, обусловленное двумя вышеуказанными факторами расширение прямого рекрутирования депутатов ГД из ЗС (среди выходцев из I созыва менее чем каждый десятый имел такой опыт, а в VII созыве — 30 %) оказывает и самостоятельное влияние. Во всех созывах депутаты ГД, перешедшие в ЗС, чаще имели предшествующий избранию в нижнюю палату опыт работы в них. Наличие опыта успешной избирательной борьбы и законодательной деятельности на региональном уровне, а также сформировавшихся в период работы в ЗС связей в региональных элитах, вероятно, способ-

ствуует переходам (возвратам) в legislatury субъектов РФ после ухода из ГД.

Вместе с тем, в отличие от рассмотренных выше факторов, в противоположном направлении может действовать ослабление роли ЗС в 2000-е гг. В 1990-е гг., несмотря на, в целом, второстепенность ЗС по отношению к губернаторам, некоторые из них были автономны от глав регионов и даже оппозиционны им, а их спикерам иногда удавалось избраться на пост губернатора, победив инкумента. В период правления В.В. Путина вместе с усилением контроля федерального центра над регионами происходит концентрация власти внутри региональных политических систем в руках губернаторов, которым ЗС оказываются обычно полностью подконтрольны [11; 20], что может ослаблять привлекательность позиций в них для депутатов ГД.

Переходы из ГД в Совет Федерации

Гораздо реже депутаты переходят в СФ, но, как показывает таблица 2, доля таких случаев также растет (впрочем, со значительными откатами): она минимальна в I и III созывах и наиболее высока в VI и VII. В целом, немногочисленность мест в СФ, в сравнении с позициями в ЗС, администрации и бизнесе, обостряя конкуренцию за них, ограничивает возможности такого продвижения. Однако привлекательность позиций в верхней палате снижает то, что после удаления оттуда губернаторов и спикеров ЗС она превратилась в довольно слабый, полудекоративный орган [26, р. 65]. Но, с другой стороны, сенаторские посты — выгодные синекуры. Они щедро вознаграждаются (в плане социальных гарантий сенаторы, как и депутаты ГД, приравнены к федеральным министрам), а занятость в СФ, особенно на рядовых позициях, не слишком обременительна.

Говоря о факторах роста переходов в сенат, следует отметить, что немного увеличивается доля депутатов, имеющих предшествующий работе в ГД опыт членства в СФ, наличие которого иногда, вероятно, способствовало посткарьере в СФ. Важнее, однако, то, что изменение в начале 2000-х гг. порядка формирования СФ, замена губернаторов и спикеров на делегатов региональных властей, работающих на песто-

янной основе, способствовало расширению доступа депутатов ГД в верхнюю палату. Во второй половине 1990-х гг. депутат ГД мог стать членом СФ, только предварительно избравшись главой региона или его ЗС. Это иногда происходило: относительно широкий приток в верхнюю палату из II созыва связан с тем, что целый ряд его депутатов был избран губернаторами и, по должности, получил место сенатора. После замены глав региональных властей на их представителей порядок делегирования менялся (обзор изменений законодательства см.: [7, с. 59]). До января 2011 г. депутаты ГД могли быть прямо делегированы в СФ, минуя субнациональные легислатуры, а с января 2011 г. они должны были предварительно избраться депутатами регионального или муниципального уровня. Впрочем, уже в октябре 2011 г. депутаты ГД, избранные по партийному списку от данного региона, получили право прямо становиться его сенаторами. Но уже с 2013 г. введен новый порядок, согласно которому представителем региональной легислатуры в СФ может быть только ее депутат. Однако от представителя губернатора, если последний избран населением, этого не требуется, а если он избран ЗС, то его представителем в СФ может стать не только депутат ЗС, но и депутат ГД, избранный по партийному списку от данного региона. Таким образом, после замены в СФ губернаторов и спикеров на их представителей доступ депутатов ГД в верхнюю палату облегчился: даже если они должны были предварительно избраться депутатами субнациональных легислатур (что требовалось далеко не всегда, особенно от посланцев губернаторов), то это условие было выполнить относительно несложно, учитывая их известность в регионах, высокие позиции в партиях и связи в элитах.

Административные органы как место работы экс-депутатов ГД

Административные структуры — одно из самых распространенных мест работы после ухода из ГД. Причем, как показывает таблица 3, наибольшее значение имеют федеральная и региональная администрации (тогда как переходы на местный уровень редки в течение всего периода, несколько повышаясь в VII созыве), однако миграция в них обнаруживает разные тенденции (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

**Работа бывших депутатов ГД в административных органах
в течение двух лет после ухода с должности (в %)**

*Work of former State Duma deputies in administrative bodies
within two years after leaving office (in %)*

Уровень администра- ции	I созыв (N=234)	II созыв (N=228)	III созыв (N=213)	IV созыв (N=201)	V созыв (N=218)	VI созыв (N=237)	VII созыв (N=199)
Федеральная	21	17	11	8	13	6	5
Региональная	12	13	10	11	18	11	15
Местная	2	2	1	2	1	2	4
Всего*	32	31	22	20	32	18	22

*Цифра в этой строке может быть меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку бывший депутат в течение двух лет после выбытия из ГД мог занимать должности в административных органах разного уровня.

Посткарьер в ФА

В целом, наблюдается сокращение доли переходов депутатов в федеральную администрацию (далее — ФА): максимума она достигает среди выходцев из I и II созывов, а после VI и VII опускается до минимума (кстати, именно за счет ФА происходит снижение совокупной миграции в административные структуры). Причем, как показывает таблица 4, та же понижающая тенденция обнаруживается и в отношении элитных федеральных административных и, в частности, правительственных должностей (больше всего переходов в правительство из I и II созывов, а из VI и VII — ни одного).

Говоря о факторах, обуславливающих эту динамику, нужно коснуться предшествующей вхождению в ГД карьеры в ФА, поскольку в ее ходе могут формироваться связи и компетенции, облегчающие переходы туда после выбытия из ГД. Доля непосредственных выходцев из ФА среди депутатов падает, будучи максимальной (примерно каждый седьмой) в I созыве и достигая минимума в VII (3 %). Впрочем, далеко не во всех созывах депутаты, оказавшиеся в ФА после ухода с должности, чаще имели непосредственно предшествующий членству в ГД опыт работы в ней (хотя среди них во всех созывах был шире распространен общий, включая косвенный, предшествующий опыт).

Таблица 4 (Table 4)

**Работа бывших депутатов ГД на элитных должностях
 в административных органах федерального и регионального уровня
 в течение двух лет после ухода с должности (в %)**

Employment of former State Duma deputies in elite positions in administrative bodies at the federal and regional levels within two years after leaving office (in %)

Тип должностей	I созыв (N=296)	II созыв (N=320)	III созыв (N=252)	IV созыв (N=252)	V созыв (N=258)	VI созыв (N=311)	VII созыв (N=246)
Федеральные элитные*	8	8	2	4	4	2	2
В т.ч. члены правительства	2	2	0	~0,5	1	0	0
Региональные элитные**	6	7	7	5	11	7	9
В т.ч. губернаторы	~0,5	4	4	2	2	4	3
Федеральные и региональные элитные	15	14	9	9	15	9	11

*К федеральным элитным отнесены должности уровня заместителя руководителя федерального органа исполнительной власти (министерства, агентства, пр.) и выше, руководителя департамента аппарата правительства или управления АП и выше, помощника и советника президента РФ, чрезвычайного и полномочного посла РФ в иностранном государстве.

**К региональным элитным отнесены должности губернатора, председателя правительства и их заместителей, а также руководителей региональных органов исполнительной власти (министров и равных им).

Вообще возвраты в администрацию (все уровней) из ГД гораздо сложнее, чем, например, в бизнес (над которым можно, будучи депутатом, сохранять контроль в качестве собственника или передать на время права собственности и/или управленческие функции членам семьи) и научно-образовательную сферу (по закону можно совмещать некоторые позиции в академических учреждениях с депутатством).

Важным фактором, который может обуславливать уменьшение частоты переходов из ГД в ФА (и наоборот) является ослабление

парламента в 2000-е гг., в условиях консолидации персоналистской автократии [4, с. 99]. Несмотря на второстепенную в целом роль парламента после 1993 г., во второй половине 1990-х гг. ГД была относительно самостоятельной и могла отчасти влиять на состав правительства [23, р. 193–182]. Яркий пример — кабинет Е.М. Примакова, куда вошли сразу несколько депутатов, включая выходцев из оппозиционных фракций (например, Ю.Д. Маслюков из фракции КПРФ стал министром промышленности и торговли и первым вице-премьером). Для периода правления В.В. Путина в целом характерно фактическое отсутствие контроля ГД над федеральной исполнительной властью, включая формирование и функционирование правительства, в то время как сама ГД оказалась под прочным контролем главы государства посредством «партии власти» ЕР. Следствием и формой проявления этого изменения баланса сил между законодательной и исполнительной властями на федеральном уровне может быть уменьшение значимости ГД как канала рекрутирования министров и других ключевых федеральных чиновников и, соответственно, снижение доли переходов депутатов в ФА. С другой стороны, ослабление ГД снижало привлекательность парламентских позиций для высокопоставленных федеральных чиновников, что могло вести к уменьшению доли депутатов с предшествующим опытом работы в ФА, наличие которого, как уже отмечалось, иногда может способствовать переходам туда после отставки. Впрочем, влияние ослабления парламента неоднозначно: все большее сосредоточение реальной власти в ФА, вероятно, усиливало привлекательность переходов в нее для самих депутатов.

Кроме того, важно отметить, что на посткарьере депутатов в ФА, а конкретнее, в составе кабинета министров, могло существенно сказаться и изменение правовых норм, регулирующих занятость в ГД и правительстве. Во время работы ГД I созыва допускалось совмещение правительственной и парламентской позиций, и в ряде случаев министры избирались в ГД, сохраняя свою должность, а после окончания депутатских полномочий продолжали работать в правительстве. Например, министр экологии и природных ресурсов В.И. Данилов-Данильян и министр труда Г.Г. Меликьян. В дальнейшем такая практика не допускалась, что ослабило привлекательность думских позиций для членов правительства.

Среди возможных факторов, обуславливающих изменение доли переходов из ГД в ФА (как и в административные органы в целом), следует упомянуть и увеличение процента пожилых (60 лет и старше) выходцев из нижней палаты (в I их было 9 %, в VII — 39 %). Это может сужать доступ депутатов в ФА, в силу установленного законом предельного возраста пребывания на госслужбе (который, однако, повышался и, кроме того, не относится к лицам, занимающим государственные должности, включая членов правительства). Кроме того, проблемы со здоровьем, связанные с возрастом, могут ограничивать возможности посткарьеры в административной сфере. Показательно, что среди депутатов, покинувших ГД в возрасте 60 лет и старше, доля тех, о последующей работе которых на административных постах (включая федеральные) есть сведения, ниже, чем во всей совокупности.

Посткарьеря в РА

Как видно из таблицы 3, доля переходов из ГД в региональные администрации (далее — РА) не показывает отчетливой тенденции: наиболее велика она в V и VII созывах, а минимума достигает в III и IV. В целом значимость РА как канала посткарьеры депутатов неудивительна. В многосубъектной федерации число региональных административных позиций довольно велико, что облегчает доступ к ним. Доступу к данным позициям также способствует известность депутатов в регионах, которые они представляют, их связи в элитах разного уровня (включая региональные) и в партиях.

Говоря о факторах, обуславливающих динамику переходов в РА, нужно отметить, что формирование в 2000-е гг. территориально конгруэнтной партийной системы с доминирующей партией «Единая Россия» могло благоприятствовать переходам депутатов ГД не только в ЗС, но и в РА. Вообще, превращение (начиная с IV созыва) ЕР в основной поставщик депутатов ГД и выходцев из нее могло позитивно влиять на долю переходов из ГД в РА (как и в административные органы иного уровня), благодаря тесным связям этой партии с бюрократией. Примечательно, что данные предыдущего исследования посткарьеры депутатов ГД IV–VI созывов показывают, что парламентарии ЕР гораздо чаще переходят в РА и административные органы вообще, чем представители умеренно оппозиционной КПРФ,

доля которых была особенно велика среди выходцев из II, III и VI созывов [8].

Кроме того, отмеченное выше сужение в 2000-е гг. доступа в ФА могло усиливать привлекательность позиций в РА для депутатов, хотя, с другой стороны, ослабление, в условиях централизации власти, автономии РА от федерального центра могло снижать привлекательность работы в них. Вдобавок, как и в случае с ФА, негативное влияние на динамику переходов в РА могло оказывать и упомянутое увеличение доли пожилых выходцев из ГД.

Наконец, как и в случае с ФА, самостоятельное значение может иметь и распространенность среди депутатов предшествующего опыта работы в РА и соответствующих связей и компетенций, которые могут иногда способствовать переходу туда из ГД. Надо сказать, что доля прямых выходцев из РА колеблется (наиболее велика она среди депутатов, выбывших из IV и V созывов). Впрочем, не во всех созывах депутаты, перешедшие в РА, чаще имеют предшествующий опыт работы в ней.

Что касается должностей, на которые переходят депутаты ГД, то, как показывает таблица 4, занятость на элитных позициях не показывает однозначной тенденции, но немного растет, встречаясь чаще всего после V и VII созывов (среди совокупности депутатов, покинувших I–III созывы, она составляет 7 %, а V–VII — 9 %). Говоря отдельно о постах губернаторов, следует отметить, что больше всего перемещений на них из II, III и VI созывов (соответственно, 13, 10 и 11 человек), а после I — всего один случай. Падение числа переходов в губернаторы произошло в IV и V созывах. Их депутаты выбыли из ГД, соответственно, к концу 2007 и 2011 гг., то есть в период, когда губернаторы назначались. Представляется, что при назначении глав регионов для кандидатов на этот пост, вероятно, особенно важны связи в ФА и, как следствие, у выходцев из нее больше шансов стать губернаторами. Тогда как при выборах губернаторов особое значение для кандидатов приобретают умение успешно вести избирательные кампании (и, вообще, политические навыки) и широкая известность среди избирателей региона, которыми могут обладать депутаты ГД. Соответственно, у них, вероятно, больше возможностей возглавить регион. В этой связи следует отметить, что относительно демократи-

ческие выборы губернаторов в 1990-е — начале 2000-х гг. давали возможность оппозиционным депутатам избираться на этот пост. В ряде случаев во II и III созывах на выборах губернаторов побеждали депутаты ГД от левой оппозиции (КПРФ и НПСР). В качестве примеров можно привести Ю.Е. Лодкина (Брянская область), А.Н. Михайлова (Курская область), В.Н. Сергеенкова (Кировская область) и А.Л. Черногорова (Ставропольский край). Кстати, при прочих равных условиях, учащение переходов депутатов на посты губернаторов может способствовать и росту их миграции на другие посты в РА (хотя такого соответствия по созывам не обнаруживается). Ведь знакомства, связи, доверительные отношения депутатов с их коллегами, которые стали губернаторами, могут выступать вытягивающим фактором рекрутирования (так, например, после назначения депутата В.С. Груздева губернатором Тульской области его заместителем стал депутат Ю.Г. Медведев, а другие должности заняли депутаты А.В. Коржаков и Ю.А. Песковская).

Посткарьера депутатов ГД в коммерческих организациях

После политико-административной сферы важнейшим местом работы бывших депутатов ГД является бизнес. Как показывает таблица 5, доля переходов в бизнес вообще и прежде всего на ключевые позиции существенна во всех созывах, но значительно колеблется, снижаясь в VII созыве и не показывая явной тенденции (см. табл. 5). Перспектива посткарьеры в бизнесе, типичность таких переходов из ГД может вести к конфликту интересов, побуждая депутатов приспосабливать свое поведение к интересам коммерческих организаций в ущерб государству и обществу.

При анализе динамики переходов депутатов в бизнес так же, как и в другие сферы, важен учет их предшествующего опыта. Доля непосредственного рекрутирования с ключевых позиций в бизнесе в ГД наиболее велика в V и VI созывах (около трети). В них же больше всего тех, кто после окончания полномочий работал на ключевых позициях в бизнесе. В то же время наиболее низка доля прямых выходцев с ключевых позиций в бизнесе в I и VII созывах (порядка одной пятой), которые находятся в тройке аутсайдеров по переходам на ключевые позиции в компаниях. При этом для всех созывов характерно

Таблица 5 (Table 5)

**Работа бывших депутатов ГД в коммерческих организациях
в течение двух лет после ухода с должности (в %)***Work of former State Duma deputies in commercial organizations
within two years after leaving office (in %)*

Тип позиции	I созыв (N=234)	II созыв (N=228)	III созыв (N=213)	IV созыв (N=201)	V созыв (N=218)	VI созыв (N=237)	VII созыв (N=199)
Любая	23	29	20	27	26	24	20
Ключевая*	18	22	16	22	23	23	18

*К ключевым отнесены позиции президента, председателя правления, генерального директора и их заместителей, члена совета директоров, директора по направлению, а также индивидуального предпринимателя.

то, что депутаты, перешедшие на такие позиции в бизнес, чаще других имеют предшествующий опыт работы на них. Так что приобретенные в ходе предшествующей вхождению в ГД карьеры в бизнесе навыки и связи, вероятно, способствуют переходам туда после отставки. Кроме того, на колебания доли переходов в бизнес могла влиять и варьирующаяся от созыва к созыву партийность депутатов. Так, выходцы из лево-оппозиционной фракции КПРФ, которых было особенно много во II, III и VI созывах, реже переходили в бизнес [см. также: 8], а, например, выходцы из праволиберальной фракции СПС, относительно многочисленные в III созыве, напротив, чаще.

В какой бизнес переходят депутаты? Говоря о форме собственности, следует отметить, что во всех созывах, доминируют переходы в частный сектор в сравнении с госпредприятиями, причем эта тенденция склонна к усилению, особенно проявляясь в VI и VII созывах. Депутаты переходят как в собственный / семейный бизнес (включая ИП), так и на должности наемных сотрудников. Причем доля переходов (часто — возвратов) в первый скорее растет (с V созыва большинство депутатов, оказавшихся в бизнесе, перешли именно в собственные / семейные фирмы). Что касается наемных сотрудников, то в VI–VII созывах доля таких переходов особенно мала (5–7 %). Вообще, востребованности депутатов в фирмах в качестве наемных сотрудников способствуют, с одной стороны, их связи с действующими политика-

ми и чиновниками и доступ к ним (кстати, благодаря связям с чиновниками, депутаты могут получать места в руководстве государственных компаний) и, с другой, их осведомленность о механизме функционирования государственной системы, действующем законодательстве и пр. [27]. Наличие таких менеджеров может повышать лоббистский потенциал компаний, а политические связи фирм в форме присутствия в их руководстве выходцев из госорганов могут позитивно влиять на накопление капитала, хотя данные исследований неоднозначны [2; 21; 24]. Однако следует отметить, что ослабление парламента в период правления В.В. Путина, упадок его самостоятельной роли в политике могли способствовать снижению ценности для компаний парламентского лоббирования [16, р. 733] и, соответственно, связей в ГД, а, следовательно, и востребованности депутатов (в сравнении с чиновниками) в качестве наемных менеджеров. Впрочем, с другой стороны, в 2000–2010-е гг. в крупном бизнесе происходила институционализация GR-функции [10, с. 329], что могло повышать спрос на государственных деятелей, включая депутатов, и число доступных им должностей. В качестве примеров политиков, перешедших на GR-позиции, можно привести выходцев из IV созыва Н.Б. Азарову («Главстрой») и V созыва М.И. Гришанкова («Газпромбанк») и В.К. Маркова («Газпром»).

Говоря о размере компаний, нужно отметить, что в целом доля переходов в крупный бизнес (высокие позиции в нем особенно привлекательны, поскольку щедро вознаграждаются и дают значительную власть), невелика, но существенно колеблется по созывам. Выше всего во II и IV созывах (примерно каждый десятый), она затем снижается, опускаясь до минимума в VI и VII созывах (хотя трудно сравнивать эту долю в разное время в силу отсутствия единообразных рейтингов компаний). Наконец, в отраслевом разрезе, в I–III созывах больше всего переходов в финансовые структуры (особенно влиятельные и сильно зависимые от государства в 1990-е гг.), прежде всего банки. Из I созыва довольно много переходов в могущественный в то время частный и государственно-частный медиабизнес (в т.ч. контролируемый «олигархами» Б.А. Березовским и В.А. Гусинским). В I созыве также больше всего переходов в АПК, что во многом связано с присутствием многочисленной фракции АПР, выходцы

из которой возвращались в те сельхозкооперативы, где работали до ГД. Нефтегазовая промышленность как сфера, принимающая депутатов, особенно значима во II созыве. В 2000-е гг., когда начинается экономический рост, важнейшим сектором, в котором оказываются бывшие депутаты, становятся компании, занимающиеся недвижимостью, девелопментом, строительством, производством и торговлей стройматериалами (эти отрасли, сильно зависимые от государства — в плане доступа к земельным участкам, подрядов и пр. — являются также и важным поставщиком депутатов).

Посткарьеру депутатов ГД:

устойчивость членства во властной элите

Какой, в совокупности, части выходцев из ГД удастся сохранить принадлежность к властной элите и в том числе использовать парламентский пост как трамплин к более привлекательным властным позициям, и какова динамика этого показателя? Если говорить об элитных должностях в органах государственной власти федерального и регионального уровней (высокопоставленные деятели АП и органов исполнительной власти, члены СФ, депутаты ЗС, ключевые чиновники ЦБ, Генпрокуратуры и Счетной палаты, члены ЦИК, уполномоченный по правам человека), то, как показывает таблица 6, в целом, переходы на них стали распространеннее (с одной пятой до примерно 30 %). Причем, как мы видим, при учете ключевых позиций в крупных компаниях общенационального масштаба (то есть членов экономической элиты РФ) тенденция сохранится (см. табл. 6).

Однако состав элитных позиций (как по уровню, так и по институциональной принадлежности), занимаемых бывшими депутатами, варьируется во времени. Рост устойчивости членства во властной элите произошел, прежде всего, за счет уже отмеченного учащения переходов в ЗС (то есть нисходящей законодательной карьеры) и СФ, в то время как переходы в административную элиту в целом стали скорее более редкими. Причем если мы учитываем только федеральные элитные административные посты и посты губернаторов (это государственная должность РФ), то переходы на такие позиции, которые в плане власти можно считать более привлекательными, чем позиция депутата ГД, также стали более редкими: больше всего их из II созыва

Таблица 6 (Table 6)

**Работа бывших депутатов ГД на элитных властных позициях
 (не считая возвратов в ГД) в течение двух лет после ухода
 с должности (в %)**

*Work of former State Duma deputies in elite power positions (not counting
 returns to the State Duma) within two years after leaving office (in %)*

Типы позиций	I созыв (N=296)	II созыв (N=320)	III созыв (N=252)	IV созыв (N=252)	V созыв (N=258)	VI созыв (N=311)	VII созыв (N=246)
Элитные должности в государственных органах федерального и регионального уровня и крупных компаниях	23	21	23	23	31	32	31
В т.ч.							
Элитные должности в государственных органах федерального и регионального уровня	20	19	21	19	29	31	29
В т.ч.							
Элитные должности в федеральных государственных органах	12	14	7	8	10	13	9
Элитные должности в региональных государственных органах	8	9	14	12	21	21	24

(12 %), а затем они не превышали 5–7 % случаев. Также хотя переходы в региональную политико-административную элиту стали происходить значительно чаще (как видно из таблицы 6, в VII созыве они характерны для почти четверти депутатов, в сравнении с менее одной десятой выходцев из I и II созывов), но переходы на элитные позиции в федеральных государственных органах в целом не обнаруживают такой тенденции. Таким образом, произошел существенный сдвиг в посткарьере: если элитные властные позиции, которые занимали выходцы из I и II созывов чаще относились к административной сфере и федеральным органам, то элитные позиции, которые занимали выходцы из VI и VII созывов, в основном принадлежали к региональному уровню и к законодательной сфере.

Впрочем, при всех различиях между созывами, общим остается то, что лишь меньшинству выходцев из ГД удавалось оказаться в элите государственной власти федерально-регионального уровня и тем более перейти на более привлекательные, в сравнении с парламентской, позиции. Причем, как уже говорилось, эта цифра лишь немного возрастет при учете ключевых постов в крупных в общероссийском масштабе компаниях (хотя следует помнить, что некоторая часть депутатов переходила в руководство крупных в региональном масштабе фирм, но такие случаи трудно учесть строго при отсутствии единых региональных рейтингов бизнес-структур).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ исторической динамики посткарьеры депутатов ГД позволил сделать ряд выводов о ее основных тенденциях, обусловленных изменениями в политической системе, в структуре политических возможностей, повлиявшими на доступность и привлекательность различных властных позиций.

Во-первых, частота переходов депутатов ГД в другие представительные органы растет, прежде всего за счет миграции в региональные ЗС. Распространению такой практики (и вообще интегрированного паттерна законодательной карьеры) способствовали переход в 2000-е гг. к конгруэнтной партийной системе и создание доминирующей партии «Единая Россия». Кроме того, позитивно могло сказаться и введение в 2005 г. единого дня голосования, благодаря которому депутаты могли

одновременно баллотироваться в ГД и ЗС. Также самостоятельное значение могло иметь расширение рекрутирования депутатов ГД из ЗС: наличие опыта успешной избирательной борьбы и законодательной деятельности на региональном уровне, а также связей в региональных элитах, вероятно, способствует переходам (возвратам) в ЗС.

Во-вторых, частота переходов депутатов в СФ также имеет, хотя и прерывистую, тенденцию к росту, причем расширению доступа депутатов в СФ способствовало изменение в начале 2000-х гг. порядка его формирования. Эта тенденция, как и растущее рекрутирование депутатов ГД из СФ может усиливать сплоченность федеральной законодательной элиты.

В-третьих, наблюдается сокращение доли их переходов в ФА, включая элитные и, в частности, правительственные посты. Эта тенденция отражает ослабление парламента по отношению к исполнительной власти в условиях консолидации персоналистской автократии. Кроме того, на посткарьере депутатов в правительстве негативно сказался отказ от практики совмещения парламентских позиций с должностями членов кабинета, которые в ряде случаев избирались в ГД I созыва, сохраняя свой пост, а после выбытия из нее продолжали работать в правительстве. Наконец, увеличение доли пожилых выходцев из ГД также могло сужать возможности трудоустройства в ФА.

В-четвертых, доля переходов из ГД в РА не показывает отчетливой тенденции: наиболее велика она в V и VII созывах, а меньше всего в III и IV. Формирование в 2000-е гг. территориально конгруэнтной партийной системы может позитивно влиять на посткарьеру депутатов в РА. Также сужение доступа в ФА могло усиливать привлекательность региональных должностей, хотя ослабление в условиях централизации автономии РА могло влиять в обратном направлении. Кроме того, доминирование с IV созыва в ГД «партии власти» ЕР, тесно связанной с бюрократией, могло способствовать переходам в РА (как и административные органы в целом), тогда как рост доли пожилых выходцев из ГД — влиять в противоположном направлении. Говоря о постдумской занятости на элитных позициях в РА, нужно отметить, что она имеет несильно выраженную тенденцию к расширению. Что же касается отдельно постов губернаторов, то на их рекрутирование из депу-

татов ГД негативно повлияла практика назначения глав регионов в 2005–2012 гг., когда число таких случаев было особенно мало.

В-пятых, на протяжении всего постсоветского периода важнейшим после политико-административной сферы местом работы бывших депутатов является бизнес. Доля переходов туда значительно колеблется, не показывая явной тенденции. Перспектива посткарьеры в коммерции может вести к конфликту интересов, побуждая депутатов приспосабливать свое поведение к потребностям бизнеса в ущерб государству и обществу. Переходам в бизнес, по-видимому, способствует наличие предшествующего опыта работы в нем. Говоря о типе компаний, принимающих депутатов, следует отметить рост доминирования частного сектора и доли переходов (возвратов) в собственный / семейный бизнес. Напротив, переходы на посты наемных сотрудников и в крупные компании из последних созывов особенно редки. Представляется, что на востребованности депутатов в бизнесе могло негативно сказаться ослабление парламента, снизившее ценность связей в нем. Варьируется во времени и отраслевая структура занятости: в I созыве особенно важна роль финансовых и медиа компаний, а также АПК, а начиная с 2000-х гг. — сектора, связанного с недвижимостью и строительством.

Наконец, говоря об элитной посткарьере депутатов в целом, следует отметить, что во всех созывах лишь меньшинству (но значительному) удалось перейти на ключевые позиции в органах власти федерального / регионального уровня или в высшее руководство крупнейших компаний, сохранив элитный статус. При этом структура элитной постдумской занятости в госаппарате изменилась: если выходцы из первых созывов чаще занимали элитные позиции на федеральном уровне и в административной сфере, то выходцы из последних созывов — в основном на региональном уровне и в законодательной сфере.

Ограниченность результатов исследования связана с использованием простейших статистических методов и отсутствием информации о посткарьере части депутатов. Задача дальнейшего исследования состоит в выяснении того, как вариация от созыва к созыву соотношения типов отставки депутатов (вынужденная / добровольная) влияет на динамику постдумской занятости (что пока нельзя сделать из-за неполноты имеющихся данных).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тев Денис Борисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.
Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** denis_tev@mail.ru.

Research Article

DENIS B. TEV¹

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia.

**THE DYNAMICS OF POST-DUMA CAREERS
IN THE POLITICAL-ADMINISTRATIVE SPHERE AND BUSINESS**

Abstract. This article analyzes the career dynamics of State Duma deputies after leaving office. The empirical basis of the study is a biographical database containing information on the post-career paths of deputies of the first through seventh convocations. The study identified several post-career trends. First, there was a decrease in the share of transfers to the federal administration, including elite (particularly government) positions. Second, the frequency of transfers to the legislatures of the subjects of the Russian Federation and the Federation Council increased. Third, the predominance of private sector companies and the role of private / family businesses as a place of employment for former deputies increased, while their migration to salaried management positions and to large corporations decreased. The author concludes that the structure of elite post-Duma employment in the state apparatus has changed significantly: while former deputies from the first and second convocations most often occupied elite positions at the federal level and in administrative bodies, those from the sixth and seventh convocations primarily occupied positions at the regional level and in representative bodies. The article also examines factors influencing the dynamics of post-Duma careers, such as the weakening of the lower house of parliament in relation to the executive branch, changes in the procedures for forming the Federation Council and for recruiting regional heads, the formation of a congruent party system, the transformation of United Russia into a dominant party, the abandonment of the practice of combining positions in parliament and government, and an increase in the age of retirement from the State Duma.

Keywords: State Duma, deputies, career after leaving office, administration, regional legislative assemblies, Federation Council, business.

For citation: Tev D.B. The dynamics of post-Duma careers in the political-administrative sphere and business. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 31–62. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.2>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis B. Tev — Candidate of Sociology, senior researcher. The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** denis_tev@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–243. EDN: YMHGUO
Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Rossiiskie regional'nye elity: innovatsionnyi potentsial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: Innovation potential in the context of globalization]. *Globalizatsiya v rossiiskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: Collection of scientific works] / Ed. by I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. P. 99–243. (In Russ.)
2. Гладышева А.А., Кишилова Ю.О. Влияние политических связей и государственной собственности на деятельность фирм в России // *Корпоративные финансы*. 2018. Т. 12. № 1. С. 20–43. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.12.1.2018.20-43>. EDN: CQPQKE
Gladysheva A.A., Kishilova Yu.O. Vliyanie politicheskikh svyazei i gosudarstvennoi sobstvennosti na deyatel'nost' firm v Rossii [The influence of political connections and government ownership on firm performance: Evidence from Russia]. *Journal of corporate finance research*. 2018. Vol. 12. No. 1. P. 20–43. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.12.1.2018.20-43> (In Russ.)
3. Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Полис. Политические исследования. 2003. № 6. С. 71–87. EDN: EVGTUH
Glubotsky A.Yu., Kynev A.V. Partiinaya sostavlyayushchaya zakonodatel'nykh sobranii rossiiskikh regionov [The party component of legislative assemblies of Russian regions]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2003. No. 6. P. 71–87. (In Russ.)

4. *Голосов Г.* От пост-демократии к диктатуре: консолидация электорально-авторитаризма в России // Новая реальность: Кремль и Голем. Что говорят итоги выборов о социально-политической ситуации в России / Ред. К. Рогов. М.: Либеральная миссия, 2021. С. 98–112.
Golosov G. Ot post-demokratii k diktature: konsolidatsiya elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii [From post-democracy to dictatorship: Consolidation of electoral authoritarianism in Russia]. *Novaya real'nost': Krem' i Golem. Chto govoryat itogi vyborov o sotsial'no-politicheskoi situatsii v Rossii* [New reality: the Kremlin and the Golem. What do the election results say about the socio-political situation in Russia?]. Ed. by K. Rogov. Moscow: Liberal mission, 2021. P. 98–112. (In Russ.)
5. *Кынев А.* Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М.: Центр «Панорама», 2009. 516 с.
Kynev A. *Vybory parlamentov rossiiskikh regionov 2003–2009: Pervyi tsikl vnedreniya proporsional'noi izbiratel'noi sistemy* [Elections of parliaments of Russian regions 2003–2009: First cycle of implementation of the proportional electoral system.] Moscow: Centr "Panorama", 2009. 516 p. (In Russ.)
6. *Тев Д.Б.* Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 106–133.
<https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. EDN: XNYZET
Tev D.B. *Deputaty Gosudarstvennoi Dumy RF: osobennosti kar'ery posle prekrashcheniya polnomochii* [Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career characteristics after the termination of office]. *Sociological review*. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 106–133.
<https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. (In Russ.)
7. *Тев Д.Б.* Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий // Мир России. 2021. Т. 30. № 4. С. 53–78. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78>. EDN: WCZZCP
Tev D.B. *Chleny Soveta Federatsii: kar'era do vkhozhdeniya v dolzhnost' i posle prekrashcheniya polnomochii* [Members of the Federation Council: Careers before taking office and after resigning]. *Mir Rossii = Universe of Russia*. 2021. Vol. 30. No. 4. P. 53–78.
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78>. (In Russ.)
8. *Тев Д.Б.* Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе: сравнительный анализ карьеры после ухода с должности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 217–238.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. EDN: XZFPTC

- Tev D.B. Deputaty fraktsii Edinoi Rossii i KPRF v Gosudarstvennoi Dume: sravnitel'nyi analiz kar'ery posle ukhoda s dolzhnosti* [Deputies of the United Russia and CPRF fractions in the State Duma: A comparative analysis of careers after leaving office]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023. No. 4. P. 217–238.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. (In Russ.)
9. Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ: динамика занятости в политико-административной и коммерческой сферах после ухода с должности // Мир России. 2025. Т. 34. № 1. С. 31–56.
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-31-56>. EDN: DNWNUC
Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoi Dumi RF: dinamika zanyatosti v politiko-administrativnoi i kommercheskoi sferakh posle ukhoda s dolzhnosti [Deputies of the Russian State Duma: The dynamics of employment in the political-administrative and commercial spheres after leaving office]. *Mir Rossii = Universe of Russia*. 2025. Vol. 34. No. 1. P. 31–56.
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-31-56> (In Russ.)
10. Толстых П.А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования: монография. М.: Перо, 2019. 1246 с.
Tolstykh P.A. GR: Polnoe rukovodstvo po razrabotke gosudarstvenno-upravlencheskikh reshenii, teorii i praktike lobbirovaniya: monografiya [GR: A complete guide to the development of public management decisions, theory and practice of lobbying: monograph.] Moscow: Pero, 2019. 1246 p. (In Russ.)
11. Шириков А. Анатомия бездействия: Политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. Серия: Труды факультета политических наук и социологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. 276 с.
Shirikov A. Anatomiya bezdeistviya: Politicheskie instituty i konflikty v byudzhetnom protsesse regionov Rossii. Seriya: Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sotsiologii [Anatomy of inaction: Political institutions and conflicts in the budgeting process of Russian regions.] St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge publ., 2010. 276 p. (In Russ.)
12. Baturo A., Arlow J. Is there a 'revolving door' to the private sector in Irish politics? *Irish political studies*. 2017. Vol. 33. No. 3. P. 381–406.
<https://doi.org/10.1080/07907184.2017.1365709>.
13. Borchert J. Individual ambition and institutional opportunity: a conceptual approach to political careers in multi-level systems. *Regional & federal studies*. 2011. Vol. 21. No. 2. P. 117–140.
<https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.

14. Byrne C., Theakston K. Leaving the house: The experience of former members of parliament who left the House of Commons in 2010. *Parliamentary affairs*. 2016. Vol. 69. No. 3. P. 686–707. <https://doi.org/10.1093/pa/gsv053>.
15. Cerrillo-i-Martínez A. Beyond revolving doors: The prevention of conflicts of interests through regulation. *Public integrity*. 2017. Vol. 19. No. 4. P. 357–373. <https://doi.org/10.1080/10999922.2016.1225479>.
16. Chaisty P. The Preponderance and effects of sectoral ties in the State Duma. *Europe-Asia studies*. 2013. Vol. 65. No. 4. P. 717–736. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.767605>.
17. Claessen C., Bailer S., Turner-Zwinkels T. The winners of legislative mandate: An analysis of post-parliamentary career positions in Germany and the Netherlands. *European journal of political research*. 2021. Vol. 60. No. 1. P. 25–45. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12385>.
18. Diermeier D., Keane M., Merlo A. A political economy model of congressional careers. *American economic review*. 2005. Vol. 95. No. 1. P. 347–373. <https://doi.org/10.1257/0002828053828464>.
19. Eggers A.C., Hainmueller J. MPs for sale? Returns to office in postwar British politics. *American political science review*. 2009. Vol. 103. No. 4. P. 513–533. <https://doi.org/10.1017/S0003055409990190>.
20. Golosov G.V. Legislative turnover and executive control in Russia's regions (2003–2014). *Europe-Asia studies*. 2017. Vol. 69. No. 4. P. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>.
21. Hillman A.J. Politicians on the board of directors: Do connections affect the bottom line? *Journal of management*. 2005. Vol. 31. No. 3. P. 464–481. <https://doi.org/10.1177/0149206304272187>.
22. Herrick R., Nixon D.L. Is there life after Congress? Patterns and determinants of post-congressional careers. *Legislative studies quarterly*. 1996. Vol. 21. No. 4. P. 489–499. <https://doi.org/10.2307/440458>.
23. Huskey E. *Presidential power in Russia*. Armonk; London: M.E. Sharpe, 1999. 295 p.
24. Luechinger S., Moser C. The value of the revolving door: Political appointees and the stock market. *CESifo working paper*. No. 3921. 2012. Accessed 07.12.2016. URL: http://www.cesifo-group.de/portal/page/portal/DocBase_Content/WP/WP-CESifo_Working_Papers/wpcesifo-2012/wp-cesifo-2012-08/cesifo1_wp3921.pdf.
25. Quaresirra F., Santolini R., Fiorillo F. Political affiliation in post-parliamentary careers in Italian public enterprises. *German economic review*. 2020. Vol. 21. No. 1. P. 35–64. <https://doi.org/10.1515/ger-0016-0019>.

26. Ross C., Turovsky R. The representation of political and economic elites in the Russian Federation Council. *Demokratizatsiya: The journal of post-soviet democratization*. 2013. Vol. 21. No. 1. P. 59–88.
27. Salisbury R.H., Johnson P., Heinz J.P., Laumann E.O., Nelson R.L. Who you know versus what you know: the uses of government experience for Washington lobbyists. *American journal of political science*. 1989. Vol. 33. No. 1. P. 175–195. <https://doi.org/10.2307/2111258>.
28. Samuels D. *Ambition, federalism, and legislative politics in Brazil*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 248 p.
29. Semenova E. The patterns of political career movements in the Russian Federation: The case of regional governors, 1991–2021. *Regional & federal studies*. 2025. Vol. 35. No. 3. P. 417–436. <https://doi.org/10.1080/13597566.2022.2155811>.
30. Shirikov A. Who gets ahead in authoritarian parliaments? The case of the Russian State Duma. *The journal of legislative studies*. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 554–577. <https://doi.org/10.1080/13572334.2021.1940435>.
31. van der Vlist D. Parliament as a steppingstone? Patterns of postparliamentary careers in The Netherlands between 1967 and 2017. *Acta politica*. 2024. Vol. 59. P. 245–262. <https://doi.org/10.1057/s41269-023-00291-w>.
32. Würfel M. Life after the Bundestag: An analysis of the post-parliamentary careers of German MPs. *German politics*. 2018. Vol. 27. No. 3. P. 295–316. <https://doi.org/10.1080/09644008.2017.1344642>.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.3>.

EDN: PWMGUN

*Д.В. ПОКАТОВ*¹

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

ГЛАВЫ И ДЕПУТАТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЙ РЕГИОНОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА, ИСТОЧНИКИ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕКРУТАЦИИ И КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЙ

Аннотация. В работе рассматриваются достаточно актуальные проблемы статусных характеристик, особенностей и базовых источников рекрутирования и карьерных траекторий глав и депутатов законодательных собраний регионов Среднего Поволжья (на примере типичных для современной России аграрно-индустриальных Саратовской и Волгоградской областей, и индустриальной Самарской области). Эмпирической базой исследований послужила биографическая база данных депутатов и глав региональных собраний, отмеченных выше областей. Автором осуществлен контент-анализ биографий 124 депутатов региональных законодательных собраний (включая их председателей), в том числе: 40 депутатов Саратовской областной Думы, 37 — Волгоградской областной Думы и 47 — Самарской губернской Думы. Проведенный анализ показал увеличение возрастных показателей современных представителей законодательной элиты регионов Среднего Поволжья. Изменяются и характеристики социального состава, свидетельствующие о сокращении представительства номенклатурных и корпоративных групп среди элиты ряда регионов. Но при этом в корпусе глав региональных собраний представительство

отдельных сегментов прежней номенклатуры сохраняется. Происходит некоторое увеличение прослоек интеллигенции. Изучение источников рекрутации показало снижение представителей элиты, связанных с традиционными для регионального уровня сферами ЖКХ и строительства. Происходит фрагментация и дробление сфер представительства элитных деятелей. При этом в некоторых регионах усиливаются позиции политиков-выходцев из журналистской среды, медицины и сферы услуг. Карьерные траектории свидетельствуют о закреплении тенденции не традиционных политических карьер, но более лиминальных, переходных, отличающихся скачкообразными переходами из неполитических сфер в политическую.

Ключевые слова: элита, политическая элита, законодательные собрания, главы региональных законодательных собраний, депутаты, Среднее Поволжье, источники и направления рекрутации, карьерные траектории, лиминальный и традиционный тип карьеры.

Для цитирования: Покатов Д.В. Главы и депутаты законодательных собраний регионов среднего Поволжья: особенности социального состава, источники и направления рекрутации и карьерных траекторий // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 3. С. 63–84.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.3>. EDN: PWMGUN

ВВЕДЕНИЕ

Проблема элиты, представляющей один из важных сегментов власти, а именно законодательной, достаточно важна и актуальна. На первый взгляд положение законодательной власти в России практически во все исторические периоды не свидетельствовало о её ведущих позициях. Перманентно возникающие периоды глубинных трансформаций общественно-политической реальности, связанные с реформами, революциями, перестройками, не способствовали повышению роли законодательных институтов в системе управления. Не случайно один из крупнейших отечественных мыслителей первой половины XX века Н.А. Бердяев отмечал, что исторический день в России выдвигает в политике на первый план задачи управления, организации ответственной власти, а не задачи чисто законодательного творчества и реформ [1, с. 427].

Однако, и здесь нельзя не согласиться с рядом исследователей в том, что роль законодательной власти даже в этих условиях оставалась существенной. Как справедливо отмечал В.Е. Чиркин, именно законодательная власть действует путем установления наиболее общих правил для общества, различных коллективов, человека и гражданина, физических и юридических лиц. Эти правила и установки имеют высшую юридическую силу; над текущими законами стоит только Конституция [21, с. 85–86]. Также законодательная власть во многом определяет организацию и функционирование исполнительной и судебной власти, и таким образом выполняет свою ориентирующую роль по отношению к данным ветвям [21, с. 106–107]. Важно отметить, что именно законодательные органы выступают не только базовыми институтами, ответственными за нормотворчество, но и важнейшими сегментами властной системы, призванными обеспечивать представительную функцию, аккумулировать противоречивые интересы различных социальных слоев и групп, что, безусловно, позволит предвидеть возможные социально-политические изменения в обществе. Также нельзя не сказать и о том, что несмотря на свое во многом подчиненное положение, законодательная власть регионов обладает и видными существенными полномочиями, в том числе, по принятию планов регионального социально-экономического развития, утверждению бюджета, налогов и сборов, а также и утверждению некоторых чиновников (в частности, в ряде регионов, в том числе, в Саратовской области), комиссии из половины состава регионального парламента избирают мэров.

Все сказанное выше, несомненно, актуализирует обращение к анализу особенностей социального состава, источников и направлений рекрутирования региональных законодателей и карьерных траекторий, закрепляющихся на региональном уровне. Изучение данных вопросов, несомненно, поможет лучше понять и направленность действий элиты, их мотивы и особенности социально-политических практик, реализующихся на современном этапе в различных регионах.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Следует отметить, что сам интерес к проблематике источников рекрутирования элит проявился с момента создания самих классиче-

ских социологических теорий элиты и был представлен в той или иной степени в работах Г. Моска [8], В. Парето [11], а также Ч.Р. Миллса [9]. Именно Г. Моска и В. Парето заложили и основы дихотомии в рассмотрении элит, прежде всего позиционного и меритократического подходов. При этом в рамках первого элита рассматривалась как относительно немногочисленный и организационно сплоченный правящий класс, концентрирующийся в органах власти и управления и лучше подготовленный к решению управленческих задач. Меритократический подход больше склонялся к рассмотрению элиты не столько как представителей правящего политического класса, но как политиков, обладающих необходимыми для участия в политической деятельности креативными и харизматическими характеристиками. В рамках данной работы автор опирается на интегральную методологию, рассматривая элиту как группу, включающую в себя как представителей правящего сословия, так и контрэлиты, многие представители которой не всегда связаны с позициями во властных структурах.

Обращаясь к рассмотрению проблематики регионального рекрутирования, следует отметить, что отдельные аспекты рекрутирования глав региональных законодательных собраний, а также представителей административно-политической элиты регионов затрагивались в целом ряде исследований. В частности, особенности рекрутирования и специфика карьер представителей региональной элиты рассматривали в своих работах А.В. Дука [5], А.С. Быстрова, А.Б. Даугавет, А.В. Дука, Н.В. Колесник, А.В. Невский [3]. В другой работе А.С. Быстровой, В.Д. Дмитриевой, А.В. Дуки, Н.В. Колесник, Д.Б. Тева процесс рекрутирования элит рассматривался с точки зрения структуры политических возможностей [4]. Карьерные пути и каналы рекрутирования спикеров законодательных собраний регионов были проанализированы Д.Б. Тевом [16, 17]. Также каналы рекрутирования глав легислатур в регионах на примере ЦФО, хотя и не очень глубоко, рассмотрела в своей статье Л.В. Богатырева [2]. Изменения в организации публичной власти регионов Центрального Черноземья были освещены в исследовании В.Б. Слатинова [14]. Особенности политических карьер в исполнительной и законодательной власти на региональном уровне анализировались и в работе О.В. Лагутина [7].

Модели и факторы карьеры представителей политической и административной региональной элиты были представлены в исследовании А.В. Шентяковой [22]. Также нельзя не отметить исследования Р.Ф. Туровского, в которых помимо источников, особенностей рекрутирования представителей элиты законодательной власти изучалась и проблема кооптации представителей оппозиции в региональные парламенты [18, 19]. Достаточно интересным представляется и исследование О.В. Крыштановской и И.А. Лаврова, в котором рассматриваются базовые особенности, источники и каналы рекрутации представителей элиты как федерального, так и регионального уровней [6]. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы, в том числе, источников и механизмов рекрутирования поднимались в работах целого ряда зарубежных исследователей, в том числе, О.Дж. Рейтера и Г.Б. Робертсона [25], Т. Хайнзона и М. Шифера [23], М. Хольмквиста [24], О.Дж. Рейтера и Р.Ф. Туровского [26] и др.

В целом, несмотря на представленность данной проблематики в трудах современных элитологов, следует отметить, что со времени выхода большинства работ прошло уже достаточно много времени. При этом затрагивались либо проблемы каналов и источников рекрутирования глав законодательных собраний, либо депутатского корпуса. Исследований, посвящённых регионам Среднего Поволжья на данную тему практически нет, что, несомненно, актуализирует обращение к их анализу, тем более что многие тенденции становятся типичными и для федерального уровня. В этой связи данное исследование преследует цель проанализировать особенности социального статуса, базовых источников рекрутирования и карьерных траекторий глав и депутатов законодательных собраний регионов Среднего Поволжья.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье автором рассматриваются особенности статусных характеристик (прежде всего, социально-демографических и социального происхождения), а также особенностей и базовых источников рекрутирования, карьерных траекторий глав и депутатов законодательных собраний регионов Среднего Поволжья. При этом для анализа берутся 3 достаточно близких и типичных для России по 26 показателям (учитывая и исследования Н.В. Зубаревич) по своему

развитию региона — Саратовская и Волгоградская области, а также Самарская область. Как показывают имеющиеся исследования и источники, Саратовская область является сегодня аграрно-индустриальным регионом — одним из перспективных регионов в нефтегазоносном отношении, обладающим как отдельными стабильно развивающимися отраслями промышленности (машиностроения, энергетики, химической промышленности), так и сельского хозяйства [15]. Волгоградская область, по исследованиям ряда авторов, является регионом с закрепляющимися процессами деиндустриализации, вследствие чего её относят к слабо индустриальному региону [10, с. 41]. Несколько выделяется Самарская область, выступающая как индустриальный регион.

Эмпирической базой исследований послужила биографическая база данных депутатов и глав региональных собраний данных областей. Автором данной статьи осуществлен контент-анализ биографий 124 депутатов региональных законодательных собраний (включая их председателей), в том числе: 40 депутатов Саратовской областной Думы, 37 — Волгоградской областной Думы и 47 — Самарской губернской Думы за период с 2021 по 2025 гг. Контент-анализ осуществлялся на основании биографий, взятых из открытых источников, опубликованных на сайтах: Саратовской областной Думы, Волгоградской областной Думы и Самарской губернской Думы, а также официального портала органов власти Волгоградской области, интернет-энциклопедии «Кто есть кто в Саратовской области»¹, материалов СМИ. Учитывались базовые социальные характеристики депутатов, в том числе социально-демографические, социальное происхождение, этапы политико-административной карьеры.

¹ Волгоградская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://volgoduma.ru/>; Волгоградская область [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://www.volgograd.ru/>; Самарская губернская Дума. [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://samgd.ru>; Саратовская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://srd.ru>; Интернет-энциклопедия «Кто есть кто в Саратовской области. о самых успешных и известных персонах региона» [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://kto.delovoysaratov.ru>.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Приступая к анализу базовых особенностей социального состава региональной элиты законодательной власти, необходимо остановиться на таких важных индикаторах, как некоторые социально-демографические и территориальные характеристики и социально-профессиональные показатели. Проведенный контент-анализ биографий региональных законодателей показывает, что средний возраст её представителей во всех регионах Среднего Поволжья, за исключением Саратовской области, значительно выше у законодателей, чем в целом по элите. Так, в Самарской области он равен 53 годам против 47 у элиты в целом. В Волгоградской области — 53 года против 51 у представителей всей элиты. И только в Саратовской области равняется 46 годам у элиты в целом и у депутатского корпуса в частности¹. Данные показатели по двум регионам в целом типичны и для России. По проведенным нами ранее исследованиям, средний возраст отечественной элиты составляет 53,3 года. Вместе с тем после выборов 2024 года он стал варьироваться у разных сегментов элиты. Так, у министров нового состава российского Правительства средний возраст министров составляет 60 лет. Но за последний год в состав Правительства РФ вошли и относительно молодые министры, бывшие губернаторы — А.А. Алиханов (39 лет), М.В. Дегтярев (44 года). Возраст руководящего состава Администрации Президента РФ несколько снизился с 56,8 года (в 2021 году) до 52 лет. В Совете Федерации представлены политики, средний возраст которых составляет сегодня 57 лет, в Государственной Думе России — 54,4 года. При этом значительные позиции в политической элите занимают представители послевоенного поколения

¹ Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий депутатов: Волгоградская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://volgoduma.ru/>; Волгоградская область [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://volgograd.ru/>; Самарская губернская Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://samgd.ru/>; Саратовская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://srd.ru/>; Интернет-энциклопедия .Кто есть кто в Саратовской области. о самых успешных и известных персонах региона [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://kto.delovoysaratov.ru>.

(1940-х гг.) — 23,7 % и элиты эпохи оттепели (1950–1960-е гг.) — 36,37 % [12, с. 156]. В основном большинство представителей депутатского корпуса всех трех регионов являются горожанами, что типично и для российской ситуации в целом. Так, представителей городского сегмента в составе регионального законодательного корпуса Саратовской области — 65 %, сельского — 35 %, в Волгоградской области — 75,24 % и 24,3 % и Самарской области — 68,8 % и 29,7 % соответственно. При этом доля выходцев из села в составе федеральной элиты — 31,8 % (в 2019 г. — 31,72%), из города — 68 % (в 2019 г. — 66%) [12, с. 156].

Достаточно важным является анализ социально-профессионального состава элиты законодательной власти регионов. Здесь со времени многих предыдущих исследований произошёл ряд важных изменений. По исследованиям Д.Б. Тева, применительно к спикерам региональных законодательных собраний, более половины (49 %) имели опыт работы в органах КПСС (42 %) и / или ВЛКСМ (23 %). Также до 40 % спикеров имели опыт работы на ключевых постах в коммерческих организациях. При этом в отраслевом плане, как отмечает Д.Б. Тев, примечательна распространённость занятости на предприятиях АПК и довольно широко представлен и опыт работы в финансовом, строительном секторе и торговле [16, с. 34, 51]. По исследованиям О.В. Крыштановской и И.А. Лаврова, одна из наиболее представленных сегодня в элите групп — это инженерно-технические работники. Самый «успешный» канал их вертикального взлета — это система жилищно-коммунального хозяйства и городского строительства. Выходцы из данных сфер, по их мнению, получают управленческие должности в регионе и неплохие шансы развития карьеры вплоть до федерального уровня [6, с. 34].

В целом, приведенные выше суждения верны для того периода, когда проводились исследования. Но современный период развития в рассматриваемых нами регионах вносит свои корректировки. Если говорить в целом о представителях элиты законодательной власти данных 3 регионов, то преобладающей группой остаются хозяйственники, включающие в свой состав руководство ведущих отраслей специализации, коммерческих структур, АПК, сферы услуг. Но сегодня нельзя сказать, что лидирует здесь только сфера ЖКХ, либо строительства. В Саратовской области в 90-е годы ведущими были пред-

приятия АПК. В результате руководителем регионального парламента являлся представитель данной сферы А.П. Харитонов. В период с 2005 по 2020 гг. лидировала группа выходцев из финансовых институтов, отраслей химической и нефтегазовой промышленности, строительной сферы и торговли, в том числе, ОАО «Газпромтрансгаз», ООО «Саратоворгсинтез», ООО НТЦ «Химинвест», ЗАО «Сарград», ОАО «Алмаз», АО «Саратовоблжилстрой», ТД «ТЦ-Поволжье». В настоящее время доля т.н. «хозяйственников» в элите законодательной власти Саратовской области составляет 32,5 %¹. При этом сегодня видные позиции в элите занимают руководители Торгово-промышленной палаты (в том числе пост Председателя Саратовской областной Думы), также различных предприятий транспортной сферы, чья деятельность очень важна сегодня для региона (в том числе ООО «Троллейбусный завод», ООО «Автотранс»). Сохраняются позиции представителей нефтегазового комплекса, также типичные для региона. Однако постепенно из состава элиты выбыли бывшие руководители некоторых отраслей строительной сферы, чьи позиции были сильны при прежних губернаторах, особенно П.Л. Ипатове (2005–2012 гг.). Значительно снизилось до 7,5 % представительство в депутатском корпусе работников корпоративных структур (военного истеблишмента, руководства правоохранительных органов и структур госбезопасности). И, наоборот, увеличилась до 47,5 % прослойка политиков, представляющих различные интеллектуальные прослойки. В том числе 10 % представляют журналистские круги, включая руководство региональных телерадиоканалов и 12,5 % — руководство различных медицинских учреждений и вузов, включая достаточно известный по стране Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского². Но переоценивать их роль и значение, как думается, не стоит. Представителям правящей элиты интеллектуалы нужны, как правило, для пропаганды идей, выполнения посреднических функций и представления некоторых рекомендаций. Об этом достаточно подробно

¹ Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий депутатов: Саратовская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://srd.ru>.

² Там же.

писал в свих работах М. Фуко [20, с. 11–25] и некоторые отечественные исследователи. Практически снизилось до статистической погрешности (5 %) представительство бывших работников советских исполнительных органов власти.

Применительно к Волгоградской области, можно говорить о следующих тенденциях в процессе изменений социально-профессиональных характеристик и каналов рекрутирования. Так, проведенный анализ показывает, однако, что происходит в основном некоторое сокращение численности прослойки хозяйственников в составе, в том числе, элиты законодательной власти данной области до 36,8 %. При этом, в отличие от Саратовской области, в данном регионе сохраняют позиции предприятия АПК, в том числе ООО «Коммерческая фирма «Агропромснаб»». Наряду с предприятиями нефтегазового комплекса («Газпром трансгаз Волгоград», АО «Нефтяная компания Лукойл»), представлено и руководство предприятий торговли и общественного питания (компания «Сады Придонья», ООО «Пивоваренный дом Буржуй», Волгоградский областной центр социальной помощи семьи и детям «Семья», а также и предприятия ЖКХ¹. В отличие от Саратовской области, в Волгоградской наблюдается повышение количества представителей корпоративных кругов, что во многом, на наш взгляд, связано с влиянием губернатора, представляющего данный слой. Их число увеличилось после выборов 2024 года до 15,7 %. В то же время представительство интеллектуальной прослойки и слоя бывшей партийно-государственной номенклатуры сократилось до 19,4 % и 1,38 % соответственно².

Имеются некоторые отличия и в характеристике социально-профессионального состава и источников рекрутирования депутатов Самарской области. Здесь прослойка когорты хозяйственников возрастает до 57,4 %. В данной прослойке представлены как традиционные для регионов Поволжья руководители предприятий нефтегазового

¹ Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий депутатов: Волгоградская Областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://volgoduma.ru/>; Волгоградская область [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://volgograd.ru/>.

² Там же.

комплекса («Газпром трансгаз Самара», АО «Самаранефтегаз»), Автомобильной промышленности (АО «АвтоВАЗ»), так и строительных компаний (ООО «Стройсервис», ООО «Комфортстрой») и учреждений сферы питания («Сызранский мясокомбинат»)¹. Как видно, специфика индустриального региона накладывает свои особенности и на каналы рекрутирования. Так, в Самарской области среди прослойки хозяйственников практически не проявляет себя руководство АПК. Также практически не представлены в современном депутатском корпусе Самарской области и круги бывших партийно-номенклатурных кадров и работников бывших исполкомов (2,12 %), а также и представители корпоративных групп (2,12 %). Вместе с тем прослойка интеллигенции в регионе с давними научно-исследовательским традициями имеет весомое представительство (34 %)².

Давая характеристику социального состава и социально-профессиональных особенностей и каналов рекрутирования современного депутатского корпуса Среднего Поволжья, нельзя не сказать отдельно о руководителях легислатур. Это тем более важно, что именно они представляют знаковые фигуры региональной власти, взаимодействуя с губернаторами, решая важнейшие вопросы работы представительных собраний, выполняя важные коммуникационные функции. Применительно к регионам Среднего Поволжья можно говорить, что сегодня они представляют различные социально-профессиональные круги. В Саратовской области руководитель Саратовской областной Думы назначен сравнительно недавно, в 2024 году. Начиная свою профессиональную деятельность в Саратовском пассажирском авто-транспортном предприятии. Большую часть своей трудовой деятельности он провел вне сферы политики. С 1992 года до своего избрания председателем Областной Думы он работал сначала в Нижневолжской торгово-промышленной палате РСФСР, а затем — Торгово-промышленной палате Саратовской области, в том числе с 2004 года — на постах вице-президента и президента. До него биография главы администрации Саратова

¹ Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий депутатов: Самарская губернская Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://samgd.ru>.

² Там же.

М.А. Исаева также в основном была не связана чисто с политической сферой (с 1994 по 2007 г. с ОАО «Саратовским подшипниковым заводом»). И только с 2006 года он избирался в состав Саратовской городской Думы, затем Областной Думы. На пост Председателя Думы он пришел с должности главы г. Саратов. Не совсем типичным был путь ещё одного руководителя Саратовской областной Думы (2007–2012 гг.) В.В. Радаева. На пост руководителя регионального парламента он пришел из Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, а после ухода с поста 10 лет возглавлял регион.

Достаточно своеобразная ситуация складывалась и в Волгоградской, и в Самарской областях. В Волгоградской области с 2014 по 2019 год Областную думу возглавлял бывший директор ЗАО «Секачи» и глава одного из муниципальных районов области (до своего прихода к руководству парламента) Н.П. Семисотов. С 2019 года Председателем Волгоградской Областной Думы избран Александр Иванович Блошкин, начавший трудовую деятельность агрономом, затем главным агрономом совхоза «Родина» Киквидзенского района Волгоградской области. Впоследствии он был секретарем партбюро колхоза «Путь Ленина». Далее он работал директором ПО «Агрохимия», был генеральным директором ООО «Нива», с 2005 года являлся главой Киквидзенского муниципального района Волгоградской области, с 2014 по 2019 г. был министром по делам территориальных образований и информационной политики Волгоградской области, заместителем губернатора Волгоградской области, а в 2019 г. был избран депутатом и Председателем Волгоградской Областной Думы. Тем самым, в его политической карьере причудливо переплелись элементы партийно-государственного и административно-политического пути уже в современной действительности.

В Самарской области большая часть трудовой биографии нынешнего (с 2018 г.) Председателя Самарской Губернской Думы Г.П. Котельникова связана с Самарским медицинским университетом, где он прошел путь от ассистента и заведующего поликлиническим блоком кафедры травматологии и ортопедии до секретаря парткома, проректора и затем ректора вуза. В 2011 году он избирается депутатом Самарской Губернской Думы, работает Председателем Комитета по образованию и науке, а с 2018 года председателем Самарской Губернской

Думы 6 и 7 созыва. Предшественник Г.П. Котельникова на данном посту В.Ф. Сазонов был представителем совсем другой когорты. До прихода на данный пост он работал в управлении исправительных трудовых учреждений, управлении внутренних дел (УИТУ УВД) Саратовского облисполкома, затем с 1987 по 1996 год — УВД Самарского облисполкома, затем — заместителем начальника и начальником Управления исполнения наказаний УВД Самарской области.

Говоря об особенностях социального состава, источниках и направлениях рекрутирования депутатов и глав законодательных собраний регионов Среднего Поволжья, нельзя не остановиться и на рассмотрении специфики карьерных траекторий, которые рельефно отображают и особенности потенциала элит законодательной власти регионального уровня.

В целом, доминирование прослойки хозяйственников в составе элиты, особенности общественного-политического процесса в регионе с преобладающим влиянием институтов исполнительной власти предопределили и особенности карьерных траекторий, а также и типов карьер в регионах, преобладающих сегодня. В одной из своих работ по элитной мобильности автором данной статьи были описаны две разновидности таких карьерных траекторий: линейно-традиционная и лиминальная (переходная) [13, с. 10–12]. В первом случае линейно-традиционный тип выражался в более или менее четко закрепившемся продвижении представителей элиты внутри определенных политико-правовых институтов, либо общественно-политических организаций и партий. Во втором наблюдались иногда достаточно резкие, в целом ряде случаев спонтанные восхождения, лишенные линейной постепенности.

Анализ биографий представителей элиты законодательной власти регионов Среднего Поволжья показывает, что на первый взгляд политико-управленческий стаж в структурах власти и управления у региональных законодателей имеется и, в ряде случаев, он достаточно основательный. Так, в Саратовской области стаж до 5 лет и от 5 до 10 лет имели 16 % политиков, от 10 до 15 лет — 24 %, от 15 до 20 лет — 12 %, от 20 до 25 лет — 5 %, свыше 25 лет — 16 % законодателей. В Волгоградской области стаж до 5 лет имели 20 % политиков, от 5 до 10 лет — 5,4 %, от 10 до 15 лет — 2,7 %, от 15 до 20 лет — 25,7 %, от 20 до 25 лет — 1,7 %, свыше 25 лет — 4,5 %.

от 20 до 25 лет — 8,1 %, свыше 25 лет — 10,8 % законодателей. В Самарской области стаж до 5 лет имели 25 % политиков, от 10 до 15 лет — 23,5 %, от 15 до 20 лет — 2 %, от 20 до 25 лет — 10 % законодателей¹. Однако, несмотря на данное обстоятельство, карьерные переходы в условиях занятия политической деятельностью позволяют говорить, что формируется своеобразные их разновидности, которые в силу их эклектичности и мозаичности можно определить как гибридные. При этом, применительно к Самарской области, данный тип можно определить как гибридно-автономный. Это во многом связано с деятельностью губернатора В.А. Федорищева, который только недавно пришел к руководству областью. Он принадлежит к когорте молодых политиков (36 лет), имеющих профессиональное для политика образование (окончил РАНХиГС) по специальности «менеджер организации». Является типичным представителем когорты политических администраторов, прошедших важные низовые уровни именно в государственных исполнительных структурах власти — от референта департамента до вице-губернатора Тульской области, затем — губернатора Самарской области. В губернии складывается в основном конфликтная ситуация как с представителями местных элит, так и с рядом организаций. Пока это не дает возможности оказывать сильное воздействие на формирование корпуса законодателей. Типичным карьерным путем здесь становится лиминальный (91,5 % случаев). При этом в нем доминируют переходы из сфер строительства и промышленности (14,5 %) в политику. Традиционный тип характерен только для карьеры 8,5 % политиков. В Саратовской области сформировался гибридно-патронажный путь, т.к. большую роль в формировании разных прослоек элиты оказывает федеральный уровень в лице Председателя Государственной Думы В.В. Володина. Губернатор Р.В. Бусаргин за-

¹ Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий депутатов: Волгоградская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://volgoduma.ru/>; Волгоградская область [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://volgograd.ru/>; Самарская губернская Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://samgd.ru/>; Саратовская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://srd.ru/>.

нимает свой пост относительно недавно, с 2022 года. Он также, как и В.А. Федорищев относится к когорте молодых политиков (44 года), являющихся профессиональными государственными служащими, но не публичными политиками. Он прошел путь от работника администрации Саратовского района области до заместителя главы администрации ряда районов, и затем — главы Правительства Саратовской области и губернатора. Как показывает подсчет автором биографий политиков, именно для Саратовской области больше всего характерен путь профессионального политика с низовых позиций в структурах власти, прежде всего, исполнительной (13,8 % во всей элите и 36 % в структурах исполнительной власти против 3,6 % и 16 % в Самарской области, 5,5 % и 22,8 % в Волгоградской)¹. Также, как и в Самарской области лидирует лиминальный (переходный) тип карьер (87,5 %). При этом в нем выделяются переходы из сфер руководства промышленными предприятиями и корпорациями в систему местного самоуправления, затем в структуры исполнительной власти (17,5 %) и из сфер интеллектуального труда, науки и журналистики (17,5 %). Традиционный путь проявляет себя только в 12,5 % случаев.

В Волгоградской области сформировалась разновидность, которую можно определить, как гибридно-корпоративную. Это связано в том числе и с деятельностью губернатора А.И. Бочарова, являющегося губернатором более 10 лет. Он пришел в политику из армейских структур и имеет военное образование. В политике прошел путь от заместителя губернатора Брянской области до Главного Федерального инспектора в данной области и руководителя исполкома федерального штаба ОНФ. В последние годы заметна тенденция руководства данной области к выдвиганию политиков из близких губернатору структур. Это, конечно, не может не влиять и на карьерные траектории. Доминирует здесь также лиминальный (переходный) тип. Он проявляется в 84,3 % случаев. В большинстве случаев лидируют переходы из сфер руководства промышленными предприятиями и корпорациями в сферу областного законодательства (35,1 %) и из сферы корпоративных структур в политическую депутатскую деятельность (15,7 %).

¹ Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий депутатов: Саратовская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 26.10.2025. URL: <https://srd.ru>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно говорить, что за последние годы произошли некоторые существенные изменения. Как в социально-профессиональном облике депутатского корпуса регионов, так и в источниках рекрутирования и карьерных траекториях стали менее выраженными в регионах Среднего Поволжья приходы в политику в целом и законодательную деятельность в частности из традиционных сфер АПК, ЖКХ и, отчасти, строительства. Практически мало проявляет себя доминировавший в 1990-е годы и начале 2000-х гг. партийно-номенклатурный канал. Однако по-прежнему значимой карьерной траекторией остаётся лиминальный (переходный) тип, характеризующийся быстрыми, скачкообразными восхождения, лишенными линейной постепенности. При этом сами траектории приобретают черты гибридности, имеющей некоторые разновидности, в том числе автономной, патронажной и корпоративной применительно к различным региональным субъектам.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Покатов Дмитрий Валериевич — доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

Телефон: +7 (909) 335–29–94. **Электронная почта:** dvpokatov@gmail.com.

Research Article

DMITRY V. POKATOV¹

¹ Saratov State University

410012, Saratov, Astrakhanskaya street, 83.

HEADS AND DEPUTIES OF LEGISLATIVE ASSEMBLIES OF MIDDLE VOLGA REGIONS: FEATURES OF SOCIAL COMPOSITION, SOURCES AND DIRECTIONS OF RECRUITMENT AND CAREER TRAJECTORIES

Abstract. This paper examines the pressing issues of status characteristics, features, and basic sources of the recruitment and career trajectories of heads and deputies of legislative assemblies in the Middle Volga regions (using the example of the agrarian-industrial Saratov and Volgograd regions and the industrial Samara region, typical of modern Russia). The empirical basis of the research is a biographical database of deputies and heads of regional assemblies in these regions. The author

conducted a content-analysis of the biographies of 124 deputies of regional legislative assemblies (including their chairmen), including 40 deputies of the Saratov Regional Duma, 37 of the Volgograd Regional Duma, and 47 of the Samara Provincial Duma. The analysis revealed an increase in the age indicators of modern representatives of the legislative elite of the Middle Volga regions. The characteristics of the social composition are also changing, indicating a decrease in the representation of nomenklatura and corporate groups among the elite in a number of regions. However, certain segments of the former nomenklatura remain represented among regional assembly heads. There is a slight increase in the intelligentsia. A study of recruitment sources revealed a decline in elite representatives associated with the traditional regional sectors of housing and utilities and construction. Elite representation is fragmenting. Meanwhile, in some regions, the positions of politicians with backgrounds in journalism, medicine, and the service sector are gaining ground. Career trajectories indicate a strengthening of the trend away from traditional political careers and toward more liminal, transitional ones, characterized by abrupt transitions from non-political spheres to the political arena.

Keywords: elite, political elite, legislative assemblies, heads of regional legislative assemblies, deputies, Middle Volga region, recruitment sources and directions, career trajectories, liminal and traditional career types.

For citation: Pokatov D.V. Heads and deputies of legislative assemblies of Middle Volga regions: features of social composition, sources and directions of recruitment and career trajectories. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 63–84. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.3>. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy V. Pokatov — Doctor of Sociology, Head of the department of History, theory and applied sociology. Saratov State University.

Phone: +7 (909) 335–29–94. **E-mail:** dvpokatov@gmail.com.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бердяев Н.А. Судьба России // Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: «АСТ МОСКВА», 2007. 699 с.
Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii [The fate of Russia] // Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. Moscow: "AST MOSCOW", 2007. 699 p. (In Russ.)
2. Богатырева Л.В. Механизмы рекрутирования глав региональных законодательных собраний (на примере регионов ЦФО) // Политическая наука. 2012. № 1. С. 175–189. EDN: OUHKFX

- Bogatyreva L.V. Mehanizmy rekrutirovaniya glav regional'nyh zakonodatel'nyh sobranij (na primere regionov CFO) [Mechanisms for recruiting the heads of regional legislative assemblies (on the example of the regions of the Central Federal District)]. *Politicheskaja nauka* [Political Science]. 2012. № 1. P. 175–189. (In Russ.)
3. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 21–54.
<https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>. EDN: NATXQO
Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Institutsionalizatsiya regional'noi administrativnoi elity: bassein rekrutirovaniya i kar'ernye traektorii [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and careers]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2019. Vol. 6. № 2. P. 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2> (In Russ.)
 4. Быстрова А.С., Дмитриева В.Д., Дука А.В., Колесник Н.В., Тев Д.Б. Структура политических возможностей и источники рекрутирования региональной политической элиты России // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 2. С. 38–109. <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.2>. EDN: OGDUXA
Bystrova A.S., Dmitrieva V.D., Duka A.V., Kolesnik N.V., Tev D.B. Struktura politicheskikh vozmozhnostei i istochniki rekrutirovaniya regional'noi politicheskoi elity Rossii [The political opportunity structure and sources of recruitment of the regional political elite in Russia]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 38–109.
<https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.2>. (In Russ.)
 5. Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 66–99.
<https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN: YOPBVI
Duka A.V. Mobil'nost' i endogennost' regional'nyh politiko-administrativnyh elit [Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 66–99.
<https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. (In Russ.)
 6. Крыштановская О.В., Лавров И.А. Вертикальная мобильность в российской политике // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 25–37.
<https://doi.org/10.31857/S0132162524100039>. EDN: EXSUWW
Kryshstanovskaya O.V., Lavrov I.A. Vertikal'naya mobil'nost' v rossiiskoi politike [Vertical mobility in russian politics]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2024. No. 10. P. 25–37.
<https://doi.org/10.31857/S0132162524100039> (In Russ.)

7. Лагутин О.В. Особенности политических карьер в исполнительной и законодательной власти на региональном уровне // ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 1. С. 99–115. EDN: RVOLMJ
Lagutin O.V. Osobennosti politicheskikh kar'er v ispolnitel'noi i zakonodatel'noi vlasti na regional'nom urovne [Features of political careers in the executive and legislative branches of power at the regional level]. *POLITEKS* [POLITEX]. 2013. Vol. 9. No. 1. P. 99–115. (In Russ.)
8. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198, № 12. С. 97–117.
Mosca G. Pravyashchii klass [The Ruling Class]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 1994. No. 10. P. 187–198, No. 12. P. 97–117. (In Russ.).
9. Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Издательство политической литературы, 1959. 543 с.
Mills C.R. *Vlastvuyushchaya elita* [The ruling elite]. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1959. 543 p. (In Russ.).
10. Мони́на Е.С., Мещерякова Я.В., Шаркевич И.В. Эволюционно-структурный анализ межотраслевых пропорций в экономике Астраханской и Волгоградской областей за 1998–2016 гг. // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2018. № 2. С. 37–44.
<https://doi.org/10.24143/2073-5537-2018-2-37-44>. EDN: URBONE
Monina E.S., Meshcheryakova Y.V., Sharkevich I.V. Evolyutsionno-strukturnyi analiz mezhotraslevykh proporsii v ekonomike Astrakhanskoi i Volgogradskoi oblastei za 1998–2016 gg. [Evolutionary-structural analysis of intersectoral proportions in the economy of the Astrakhan and Volgograd regions for 1998–2016]. *Vestnik AGTU. Ser.: Ekonomika*. [Bulletin of ASTU. Ser.: Economics]. 2018. No. 2. P. 37–44. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2018-2-37-44>. (In Russ.)
11. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
Pareto V. *Kompendum po obshchej sociologii* [Compendium on general sociology]. Moscow: Publishing house. House of the State University Higher School of Economics, 2008. 511 p. (In Russ.).
12. Покатов Д.В. Российская политическая элита: особенности и направления изменений базовых показателей в современных условиях // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. С. 155–158. EDN: MOYOFB
Pokatov D.V. Rossiiskaya politicheskaya elita: osobennosti i napravleniya izmenenii bazovykh pokazatelei v sovremennykh usloviyakh [Russian political elite: features and directions of changes in basic indicators in modern

- conditions]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2024. No. 12. P. 155–158. (In Russ.)
13. Покатов Д.В. Мобильность российской политической элиты: особенности, формы и этапы // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 5–18.
URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/01>.
<https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-5-5-18>. EDN: VLXJLS.
Pokatov D.V. Mobil'nost' rossiiskoi politicheskoi elity: osobennosti, formy i etapy [Russian political elite mobility: specifics, forms and stages]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues]. 2022. No. 5. P. 5–18.
<https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-5-5-18>. (In Russ.)
 14. Слатинов В.Б. Изменения в организации публичной власти регионов Центрального Черноземья: приоритеты и ожидаемые эффекты // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 1. С. 43–58.
<https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-1-43-58>. EDN: TVVMHS
Slatinov V.B. Izmeneniya v organizatsii publichnoi vlasti regionov Tsentral'nogo Chernozem'ya: priority i ozhidaemye efekty [Changes in the public authority organization in the regions of the Cental Chernozemie region]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences]. Vol. 18. No. 1. P. 43–58.
<https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-1-43-58> (In Russ.)
 15. Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Постановление Правительства Саратовской области от 30.06.2016 N 321-П (ред. от 14.11.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Saratovskoi oblasti do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda. Postanovlenie Pravitel'stva Saratovskoi oblasti ot 30.06.2016 N 321-P (red. ot 14.11.2025) [Strategy for the Socioeconomic Development of the Saratov Region through 2030 and into 2036. Resolution of the Government of the Saratov Region dated June 30, 2016, No. 321-P (as amended on November 14, 2025)]. Accessed from the ConsultantPlus legal reference system. (In Russ.).
 16. Тев Д.Б. Спикеры региональных законодательных собраний: карьерные пути и каналы рекрутирования // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 28–65.
<https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.2>. EDN: CGOTCJ
Tev D.B. Spikery regional'nykh zakonodatel'nykh sobraniy: kar'yernyye puti i kanaly rekrutirovaniya [Speakers of regional legislatures: career routes and recruitment channels]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 28–65. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.2> (In Russ.)

17. Тев Д.Б. Спикеры легислатур субъектов РФ: каналы рекрутирования и карьера // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 1. С. 52–75.
<https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7844>. EDN: DOMZCS
Tev D.B. Spikery legislatur sub'ektov RF: kanaly rekrutirovaniya i kar'era [Speakers of Legislatures of Subjects of the Russian Federation: Recruitment Channels and Career]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2021. Vol. 27. No. 1. P. 52–75. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7844> (In Russ.)
18. Туровский Р.Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 82–92. EDN: OGDXDZ
Turovskij R.F. Institutsional'nyi dizain rossiiskoi regional'noi vlasti: kazhu-shchayasya prostota? [Institutional Design of Russian Regional Power: Seeming Simplicity?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. 2011. No. 5. P. 82–92. (In Russ.)
19. Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил // Полития. 2021. № 2 (101). С. 121–143.
<https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>. EDN: FPHYFY
Turovskij R.F., Suhova M.S. Kooptatsiya oppositsii v regional'nykh parlamentakh Rossii: igra s narusheniem pravil [Co-optation of Opposition in Russian Regional Parliaments: Game that Breaks Rules]. *Politija* [Politeja]. 2021. No. 2. P. 121–143. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>. (In Russ.)
20. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
Foucault M. *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews]. М.: Praxis, 2002. 384 p. (In Russ.)
21. Чиркин В.Е. Законодательная власть. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 336 с.
Chirkin V.E. *Zakonodatel'naya vlast'* [Legislative power]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 336 p. (In Russ.)
22. Шентякова А.В. Модели и факторы карьеры представителей политической и административной региональной элиты // Власть и элиты. 2014. Т. 1. № 1. С. 385–398. EDN: XIEMWZ
Shentiaikova A.V. Modeli i faktory kar'ery predstavitelei politicheskoi i administrativnoi regional'noi elity [Models and factors of career of representatives of political and administrative regional elite]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2014. Vol. 1 No. 1. P. 385–398. (In Russ.)

23. Heinsohn T., Schiefer M. Advancing to positions of power in parliament — does seniority matter? *The Journal of Legislative Studies*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 511–532. <https://doi.org/10.1080/13572334.2019.1582185>.
24. Holmkvist M. Consecration and meritocracy in elite business schools: The case of a Swedish student union. *British journal of Sociology*. 2023. Vol. 74. No. 4. P. 531–546. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.13026>.
25. Reuter O.J., Robertson G.B. Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes. *The Journal of Politics*. 2015. Vol. 77. No. 1. P. 235–248. <https://doi.org/10.1086/678390>.
26. Reuter O.J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes. *Party Politics*. 2014. Vol. 20. No. 5. P. 663–674. <https://doi.org/10.1177/1354068812448689>.

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>.

EDN: PZNLBI

Ю.А. ПУСТОВОЙТ^{1, 2}

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2;

² Национальный исследовательский Томский государственный университет

634050, Томск, пр. Ленина, д. 36

ЧЕТЫРЕ МАСТИ АССАМБЛЯЖА ВЛАСТИ: ИНСТИТУТЫ И ПОЛИТИКИ В СИБИРСКОМ МЕГАПОЛИСЕ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Аннотация. В работе сопоставляются конфигурации и ресурсы властных групп 2015 и 2025 гг. в сибирском мегаполисе. На основе достоверного аналитического материала о ключевых фигурах в городской и региональной политике, подтвержденного собственными данными, автор ставит своей целью описать и объяснить динамику позиционных перемещений. Для этого происходящие политические процессы были рассмотрены в рамках категориального аппарата и ключевых положений основных теорий, используемых в политической науке: элитизма, плюрализма и теории режимов. Оказалось, что объяснительные модели, рассматривающие причины и механизмы смены властных групп, в современных условиях либо совсем нерелевантны (элитизм и плюрализм), либо имеют ограниченное применение. Наиболее перспективным направлением выступает теория режимов К. Стоуна, но и она объясняет одни фрагменты реальности (стабильность отношений) и не позволяет учесть происходящее в условиях быстрых изменений. С учетом новых подходов к феномену города в современной урбанистике обоснованы перспектива и возможности использования концептуального аппарата теории ассамбляжей

(М. Деланды) — подхода, который расширяет и углубляет теорию режимов и задает более широкую динамическую рамку с включением в качестве агентов материальной инфраструктуры. В работе сформулировано и обосновано понятие «ассамбляжа власти» — исторически складывающееся динамическое образование, представленное изменчивыми конфигурациями гетерогенных элементов, обеспечивающее его стабилизацию посредством двух паттернов властных отношений: координации входящих в него компонентов (с сохранением экстерииорности, способности к автономному перемещению в другие ассамблеи) и контроля (потери этой способности). В этой перспективе рассмотрены политические процессы, произошедшие в сибирском мегаполисе, и дано объяснение, как от плюралистической конфигурации 2017 г. (паттерн координации) была осуществлена пересборка компонентов к 2025 г., приблизив его основные характеристики к паттерну контроля. Результаты исследования показали, что исчезновение альтернативных ассамблей власти связано с изменениями материальных и экспрессивных компонентов на федеральном уровне, в силу чего в альтернативных локальных ассамблеях региона снизилась способность к действию как в производстве конкурентоспособных идеологических нарративов, так и в возможности проведения своих кандидатур на важные институциональные позиции.

Ключевые слова: город, ассамбляж, властные группы, сети, элиты, инфраструктура, городской режим, Сибирь.

Для цитирования: Пустовойт Ю.А. Четыре масти ассамбляжа власти: институты и политики в сибирском мегаполисе. Десять лет спустя // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 3. С. 85–103.
DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>. EDN: PZNLBI

ВВЕДЕНИЕ: КОАЛИЦИИ ВЛАСТИ В СИБИРСКОМ МЕГАПОЛИСЕ В ЗЕРКАЛЕ МЕДИААНАЛИТИКИ

В 2017 г. медиахолдинг «ФедералПресс» опубликовал серию из четырех аналитических материалов под броским заголовком «Четыре масти Новосибирской власти», в которых предложил иерархическую структуру и состав наиболее влиятельных властных коалиций региона. Каждая «карта» идентифицировалась с конкретной политической персоной, которая получала игровой статус от туза (политики федерального масштаба) до шестерки (местные администраторы и биз-

несмены). Хотя предложенная типология носила метафорический характер, она во многом совпадала с данными, которые мы получали из анализа электоральной медиаактивности и интервью, а значит, в целом, отражала реальную расстановку сил в регионе. Люди, входящие во властную коалицию, оказывали друг другу поддержку в ходе избирательных кампаний, чаще взаимодействовали между собой на медиаплощадках, позитивно отзывались о союзниках и вступали в сложные, порой конфликтные отношения с представителями других групп. Социальная и политическая активность этих персоналий началась еще в 1990-е гг., но границы объединений стали более четкими и рельефными примерно с 2014 г. в связи со сменой главы региона и города. Тузами каждой масти были публичные политики на официальных должностях. Королями, дамами и валетами — депутаты, главы комитетов и фракций, а также чиновники с широкими полномочиями. Номерные карты закреплялись за бизнесменами, общественными деятелями и крупными администраторами.

Масть «червы» закреплялась за КПРФ во главе с избранным на должность мэра Анатолием Локтем¹; «бубны» за командой губернатора Владимира Городецкого²; «кресты» объединяли силовиков и бизнесменов, которые пользовались покровительством полпреда в Сибирском Федеральном Округе Сергея Меняйло³; «пики» включали ряд местных политиков от «Единой России» во главе с депутатом Государственной Думы Виктором Игнатовым⁴.

¹ Четыре масти новосибирской власти. Часть 4. Червы // ФедералПресс. 18.08.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/1821262>.

² Четыре масти новосибирской власти. Часть 1. Бубны // ФедералПресс. 12.08.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/1818291>.

³ Четыре масти новосибирской власти. Часть 3. Трефы // ФедералПресс. 14.08.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/1819759>.

⁴ Четыре масти новосибирской власти. Часть 2. Пики // ФедералПресс. 13.08.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/1819079>.

На момент публикации каждая коалиция обладала сопоставимыми для публичной дискуссии ресурсами власти (политико-административными, экономическими, медийными и силовыми) и вырабатывала альтернативные, но вполне состоятельные версии развития региона и города. Прошло чуть больше десяти лет и закономерно возникает ряд исследовательских вопросов:

1. Как изменились властные конфигурации в городе и регионе?
2. Почему три властных коалиции («масти») практически исчезли из публичной политики?
3. Какая из современных политических теорий: элитизм, плюрализм, теория режимов, теория ассамбляжей служит наиболее релевантной объяснительной моделью?

В качестве эмпирической базы мы опираемся на собранные с 2012 г. данные, результаты которых были опубликованы [9; 10], а также на сведения, размещенные на цифровых платформах, и материалы СМИ¹, посвященные итогам выборов². Поиск и анализ проводился с помощью различных моделей ИИ, которые затем проверялись посредством экспертных оценок и сопоставления с другими источниками.

ВЛАСТЬ В ГОРОДЕ: ТЕОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ГРАНИЦЫ ИХ ПРИМЕНИМОСТИ

Сегодня можно выделить три классических направления эмпирических исследований власти в городе, они хорошо известны и детально рассмотрены в работах профессора Валерия Ледяева [6]. В рамках классического элитизма, наиболее ярким представителем которого был Чарльз Райт Миллс [8] и эмпирические исследования которого связаны с работами Флойда Хантера [16], власть находится у монолитной сплоченной группы, чья коалиция постоянна и построена

¹ Кто будет управлять горсоветом Новосибирска? // Континент Сибирь. 23.09.2025 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://ksonline.ru/585602/kto-budet-upravlyat-gorsovetom-novosibirska/>.

² Кто будет рулить Заксобранием Новосибирской области? // Континент Сибирь. 24.09.2025 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://ksonline.ru/585750/kto-budet-rulit-zaksobraniem-novosibirskoj-oblasti/>.

на общности классовых интересов, и смена элит происходит редко либо в ходе «циркуляции элит», либо социального катаклизма, как предполагал Вильфредо Парето. Элита формирует идеологию, оправдывающую ее господство, определяет вопросы, которые вносятся в повестку, принимает выгодные для себя решения, тем самым используя все три «лика» власти (Стивен Льюкс [7], Марк Хаугаард [14]). В теориях плюрализма (Роберт Даль [4]) власть рассредоточена между множеством групп интересов (бизнес, профсоюзы, НКО), коалиции ситуативны и формируются вокруг конкретных проблем, их смена — норма и происходит постоянно в зависимости от ситуации. Ключевой здесь является власть принимать решения и именно за нее борются группы. Считается, что все они имеют одинаковые возможности влиять на повестку, значение идеологии отрицается. Теория городских режимов Кларенса Стоуна [17] делает акцент на власти как способности действовать, для чего нужна устойчивая неформальная коалиция между муниципальной властью и бизнесом. Смена коалиции представляет собой сложный процесс и происходит под воздействием ряда факторов, таких как распад «коалиции роста», смена экономических приоритетов, сильное общественное давление и т.д. Режим также вырабатывает общую идеологию («рост»), определяет повестку и принимает ключевые решения.

Сегодня теория городских режимов К. Стоуна наиболее популярна при изучении политической власти в городах. Среди десяти отобранных поисковыми системами исследований городской власти в России семь построены на концепции режимов. Сильными сторонами теории выступает то, что она объясняет, почему и как устойчивые коалиции между мэрией и бизнесом («коалиции роста») формируются, долго правят и в конечном итоге сменяются. Данная теория дает возможность анализировать, почему долго сохраняются коалиции, и четко определяет субъекты, их ресурсы и цели. Ее основой выступает «рациональный подход», то есть считается, что акторы преследуют рациональные цели. В фокусе внимания чаще всего находятся классовые интересы, и теория позволяет выявлять конфликты между коалициями роста и сообществами. Основное ограничение теории городских режимов — то, что в ней сделан акцент на стабильности норм и договоренностей, что сегодня в период, который обычно

называется «турбулентным», не находит своего подтверждения, так как изменения многочисленны, они разноплановые, многоуровневые и многовекторные. Стабильность скорее представляет некоторый уже мало достижимый идеал, о чем пишет Стоун в одной из статей [18].

Как и во всех классических теориях политической науки, в теории городских режимов сделан акцент на поведении людей и организаций, а материальные компоненты в рамках данного подхода не обладают агентностью. Однако за последние тридцать лет появился ряд работ и направлений, где природа, законы, инфраструктура, технологии, дискурсы рассматриваются не как пассивная составляющая, а как активная сила, способная влиять и ограничивать человеческое поведение. Города, как социальные сущности состоят не только из популяций человеческих индивидов, сетей и организаций, но и из инфраструктуры, зданий, улиц и всевозможных коммуникаций. Власть проектировщиков городского пространства долгое время питалась идеей о том, что красивый и правильно построенный город преобразует его жителей [12]. Идеалы высокого модернизма в полной мере выражались в замыслах (утопических, но отчасти воплощенных) Ле Корбюзье (Лучезарный город), Эбенизера Говарда (Город-сад), Патрика Геддеса (реализация духа города-сада и школы Баухаус в Тель-Авиве), Фрэнка Ллойда Райта (Бродакрити как триумф индивидуализма), советских планировщиков (социалистические города, зеленые города, города-спутники), в критических утопиях Рема Колхаса и идеях нового урбанизма Леона Крие. «Город — это политическое пространство, где сталкиваются различные воли: горожан, представителей власти, предпринимателей, идеологов. И доминирует обычно тот, у кого воля сильнее, например, девелопер... Так создаются городские пространства, непригодные для красивой, разумной и удобной жизни» [2, с. 76]. Архитектура выступает как проекция власти, способ взрастить свое лидерское «Я» до масштабов города, страны или эпохи.

Таким образом, материальные нечеловеческие компоненты можно рассматривать как полноценных участников политического взаимодействия, они способны внушать страх, усиливать чувства [15, с. 88–89], рассказывать истории [11] и тем самым изменять поведение людей. Приведем здесь только известные и переведенные на русский язык работы о власти «не-человеческого» в городе Бруно Латура [5] и Эша Амина,

Найджела Трифта [1]. В политической теории появились альтернативные подходы к определению границ власти и источников ее возникновения. От субстанции и атрибута она в ряде направлений стала рассматриваться, вслед за Мишелем Фуко, предложившим этот ультрарадикальный взгляд, как сеть, имманентная всему обществу и производящая реальность: дискурсы и дисциплинированные тела [13].

Что можно сказать, соотнеся эти теоретические подходы и исчезновение властных коалиций? За десять прошедших лет не было ни циркуляции элит, ни революции, ни смены коалиций в ходе честной электоральной борьбы вокруг значимых для города проблем. Распались команды, но повестка роста не изменилась. Не было ни смены экономической конъюнктуры, ни серьезного и регулярного общественного давления. Комплекс прошедших событий можно обозначить как переборку компонентов. В публичной сфере появился новый компонент — команда губернатора, задающая политический курс и устанавливающая границы активности других групп. Часть компонентов исчезла, часть была оторвана от своих групп (детерриторизирована), часть вошла в новые группы.

ТЕОРИЯ АССАМБЛЯЖЕЙ: КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В НЕКЛАССИЧЕСКУЮ ОНТОЛОГИЮ

На наш взгляд, объяснить и описать происходящее в условиях турбулентности наиболее точно и продуктивно позволяет теория ассамбляжей Мануэля Деланды, представляющая собой относительно новый взгляд на онтологию социального [3]. Выбор альтернативной оптики (теории ассамбляжей) вызван тем, что в современных условиях она предлагает более широкую и динамическую рамку, что позволяет декомпозировать любые проявления власти и разбивать ее на составляющие элементы, проследить их материальные и дискурсивные сочетания и объяснять устойчивость и хрупкость властных конфигураций. Как мы покажем, по сравнению с теориями монолитной элиты и моделями в духе классического элитизма, она более динамична и менее конспиративна и заменяет стабильную пирамиду власти на изменяющуюся картографию сетей влияния. По сравнению с моделью Роберта Даля она менее нормативна и вполне может объяснять, как и почему отдельные сети приобретают большее влияние, чем другие

за счет территоризации материальных и символических ресурсов и сокращения возможностей для других групп. На наш взгляд, она расширяет и углубляет теорию режимов, включая в состав акторов, контролирующих ресурсы, материальную среду и непреднамеренные последствия взаимодействия с ее элементами. Необходимо отметить, что инфраструктура, технологии, пространство, бюджеты, нормы всегда в том или ином виде присутствовали при анализе режимов, однако не рассматривались как активные участники взаимодействий, между тем материальные объекты не меньше, чем действия других людей способны ограничивать или стимулировать поведение, предоставлять и уменьшать конкурентные преимущества конкретных индивидов и групп.

Теория ассамбляжей опирается на идеи Жюль Делеза и Феликса Гваттари и позволяет картографировать конкретные исторически сложившиеся динамические, но не единые целостности — ассамбляжи (города, государства, технологии, сети и т.д.). Любой ассамбляж рассматривается как индивидуальная сущность, он возникает из доиндивидуальных компонентов (тоже в свою очередь являющихся ассамбляжами), свои свойства получает из их взаимодействия (пример «оса — орхидея»), его части самодостаточны и формируются в результате способностей к взаимодействию с другими частями, он обладает эмерджентными качествами, способен влиять на свои части. Картографирование ассамбляжа происходит по трем осям:

1. материальное / экспрессивное (физические объекты и их коды и значения);
2. территоризации / детерриторизации (процессы, придающие стабильность и порядок и их разрушающие);
3. кодирование / декодирование (наделение компонентов особым значением / переосмысление значений).

Вследствие установления внешних отношений, компоненты ассамбляжа, не теряющие своей идентичности, создают автономный надиндивидуальный эффект целого (новый порядок) со своими правилами (эмерджентность). Понятие власть в этом случае используется в двух значениях. Если мы говорим о «Власти» (с большой буквы) применительно к этой целостности (ассамбляжу власти), то здесь она представляет собой децентрализованный распределительный эффект

успешной территориализации (стабилизации) ассамбляжа, то есть социальный порядок возникает в результате связывания гетерогенных элементов. Власть в городском режиме связана не с биографией мэра, планами застройщиков и повседневностью жителей, она проявляется, когда актуализируются их способности к мобилизации ресурсов и организации совместных действий, но эти свойства появляются из самих сетей, а не из индивидов. Эффект целого не может быть сведен к частям по отдельности. Если мы говорим о «власти» (власти с маленькой буквы), то мы говорим о силах, которые обеспечивают связи и разрывы связей между компонентами. Здесь власть рассматривается как импульс, исходящий от конкретного субъекта, и в каждом конкретном случае можно говорить о власти как праве, силе и воле (Роберт Даль), блокировке (Питер Бахрах и Мортон Барац), власти символических систем (культурного капитала Пьера Бурдьё) или о власти — технологии производства знания, типов поведения и социальных норм (Мишель Фуко). В классическом подходе мы предполагаем за индивидами право принимать решения, блокировать решения других и создавать у них легитимизирующую определенные действия «картину мира», в оптике Мануэля Деланды мы смотрим на компоненты, которые позволяют осуществиться власти индивида и которая невозможна без материальных носителей. Власть пропагандиста сегодня невозможна без сетевых технологий, власть чиновника без системы документооборота, власть тюрьмы невозможна без здания тюрьмы.

В этих онтологических рамках введем понятие *ассамбляж власти* — исторически складывающееся динамическое образование, представленное изменчивыми конфигурациями гетерогенных элементов (людей, сетей, организаций, институтов, инфраструктуры, городов и государств в их материальном и экспрессивном выражении), обеспечивающее его стабилизацию (территориализацию) посредством двух паттернов властных отношений: координации входящих в него компонентов (с сохранением экстерииорности, способности к автономному перемещению в другие ассамбляжи) и контроля (потери этой способности).

Таким образом, любой ассамбляж власти:

- 1) состоит из разномасштабных гетерогенных компонентов, также являющихся ассамбляжами (людей, сетей, институтов, организаций, инфраструктуры, городов и государств);

- 2) каждый ассамбляж в различном соотношении имеет материальное (физические тела, должностные позиции, здания, коммуникации, деньги, технологии, труд и пр.) и экспрессивное выражение (идеи, высказывания, законы, нарративы, символы, дискурсы и пр.);
- 3) все ассамбляжи (компоненты) находятся в отношениях экстериорности, что означает, что они не теряют своей идентичности, но, стабилизируясь в ходе территоризации, реализуют тот набор способностей, который соответствует складывающемуся вектору сил;
- 4) эти результирующие векторы (аттракторы) направлены по двум паттернам: координации (властные отношения на основе договора в обозначенных временных и процессуальных границах) и контроля (отношения постоянного доминирования одних групп).

Соответственно, для картографирования ассамбляжей власти необходимо определить, какие материальные и экспрессивные компоненты их составляют, выяснить, какие силы удерживали их вместе, каков баланс между процессами стабилизации (территоризации) и дестабилизации (детерриторизации) и по какому паттерну (координации или контроля) стали складываться последующие отношения. Материальные компоненты операционализированы нами через должностные позиции, медиатизацию (упоминания в СМИ), финансовые возможности, наличие вертикальных и горизонтальных связей, которые после перевода в численные коэффициенты суммируются. Экспрессивные компоненты включают способность к сочетанию идей и нарративов, легитимирующих положение коалиций в период электоральных кампаний.

Возникший в ходе взаимодействия гетерогенных компонентов эффект — ассамбляж власти по паттернам координация / контроль — это динамический политический порядок, который фиксируется в конкретный момент времени и в конкретных территориальных границах по трем биполярным маркерам координации-контроля: альтернативность / безальтернативность; прозрачность процедур / аберрация; инфраструктурное благополучие / неблагополучие. Каждый из этих маркеров показывает, насколько компоненты ассамбляжа находятся в отношениях экстериорности и автономны в принятии решений. Таким образом, предлагаемый подход расширяет теорию режимов,

вводя в нее в качестве важного фактора материальные компоненты (здания, дороги, информационные сети), и позволяет видеть за событиями не столько устойчивые структуры (классы, иерархии, идеологии), но и ассамбляжи, где устойчивая структура — тот же ассамбляж, но пересобирающийся более медленно. Власть — не столько способность к принуждению и господству, сколько, способность к действию при сборке нового ассамбляжа, она может быть вполне созидательной и распределенной. Наша цель как исследователей — отслеживать и картографировать эти процессы, где структуры власти собираются и пересобираются из разных компонентов.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МЕГАПОЛИСЕ:
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ АССАМБЛЯЖЕЙ.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Рассмотрим в этой перспективе политические процессы, произошедшие в сибирском мегаполисе. Конфигурация 2017 г. была плюралистической, и ассамбляж власти складывался по паттерну координации. Появлялись и обсуждались самые разные альтернативные варианты решения проблем, нормы политической борьбы соблюдались. Инфраструктура в силу исторического и территориального развития города была сложной и не всегда благоприятной, особенно в области содержания дорог и коммуникаций. К 2017 г. сложился городской режим с двумя элитарными группами. Властная конфигурация была многоуровневой и характеризовалась сложным переплетением лидеров, партий, политических кланов и бизнес-сетей. Мэр города, победивший как глава консолидированной оппозиции, Анатолий Локоть (КПРФ) проводил политику умелого лавирования, избегая затяжных конфликтов с губернатором и «злейшими классовыми врагами», часть из которых вошла в действующую систему управления. Наличие двух сильных, но разнонаправленных центров власти (губернатор от «Единой России», мэр от КПРФ) обеспечивало институциональную напряженность, но в целом было сбалансировано и поддерживалось за счет неформальных договоренностей. Часть сетевых элит формально принадлежали к «Единой России», но, как считают эксперты, сохраняли высокую степень независимости от регионального админи-

стративного ядра, что позволяет рассматривать их ключевые фигуры как акторов, обладающих достаточно серьезной автономией: Александр Карелин (депутат Госдумы), Андрей Шимкив (спикер Заксобрания). Девелопер и депутат Законодательного собрания Вениамин Пак сформировал собственную мощную группу, состоящую из депутатов Городского совета, куда входил, в частности, его спикер Дмитрий Асанцев («ЕР»).

В результате выборов 2025 г. стало очевидным, что губернатор Новосибирской области (Андрей Травников) и «Единая Россия» сформировали новую властную конфигурацию, которую можно обозначить как централизованный контроль. В Заксобрании «ЕР» получила 51 мандат из 76, улучшив свой результат 2020 г. КПРФ сократила свое присутствие с 14 до 10 мандатов. Доминирование губернатора и «ЕР» подчеркивает союз с Андреем Шимкивом, одновременно председателем Законодательного собрания и главой фракции «ЕР». Оппозиция стала управляемой: распределение вице-спикерских кресел изменилось с фракционного (которое ранее включало ЛДПР и «СР») на строго двухпартийное (3 «ЕР» + 2 КПРФ). При этом фракция КПРФ уменьшилась.

В Горсовете «ЕР» увеличила свое представительство до 40 мандатов из 50, что составляет 80 %. При этом ни один самовыдвиженец не победил, а ЛДПР потеряла все места. В структуре Горсовета при руководстве Дмитрием Асанцева («ЕР», группа В. Пака) увеличилось количество заместителей с четырех до шести, четыре отведены «ЕР». Впервые на руководящие посты приходят представители двух доминирующих групп внутри «ЕР». Крыло Дмитрия Савельева (депутат ГД) — самая многочисленная группа в городском совете (15 человек) и крыло В. Пака.

Почему случилась детерриторизация действующего ассамблея власти и часть компонентов перестала существовать? Во-первых, во всех ассамблеях исчезли ключевые компоненты (лидеры-символы). Это стало критичным и послужило стимулом для детерриторизации. Во-вторых, одновременно произошло изменение институтов управления городом, вследствие отмены выборов повлекшее перераспределение материальных компонентов: людей, позиций и городских ресурсов. В-третьих, изменился и стал преобладающим и без-

альтернативным внешним экспрессивным фактором — кодирование. Федеральный нарратив-повестка «противостояние коллективному Западу» разрушил локальные нарративы, построенные на критике местных управленческих решений. Провозглашение альтернативных проектов стало либо излишним (КПРФ), либо опасным («Коалиция 2020»^{1*}, объявленная иностранным агентом). В-четвертых, доминирующие до 2025 г. действующие группы были ограничены инфраструктурой. За дороги, воду, тепло отвечали и мэрия, и ряд фигур в окружении бывшего губернатора, что ограничивало возможности маневра и служило полем постоянной критики оппонентов и населения.

Что облегчило приход и территориализацию нового ассамблея власти? Он оказался более продуктивен, так как актуализировал способности к действию всех его составляющих, в новых условиях его компоненты расширили диапазон возможностей. Для коалиции «пики» лидер, находящийся в Москве, не имел значения как публичная фигура при принятии оперативных решений на территории. Самый самостоятельный и территориализированный ассамблеж смог быстро адаптироваться в условиях изменений политического ландшафта. В основе экспрессивной составляющей и процесса кодирования были нарративы о таких ценностях, как честь, служба, преданность, верность, ученичество, уважение к старшим, патриотизм и пр., которые органично вписывались в современную официальную риторику. Причем это были не только слова, но и основа политики воспитания и социализации молодого поколения, рекрутируемого через клуб каратэ «Успех». Спортивные нарративы и их носители обладают высокой наглядной привлекательностью, прозрачны для внешнего наблюдения, что делает их достаточно мощным электоральным ресурсом и хорошим элементом внутреннего контроля. Городская инфраструктура работала на коалицию, так как девелопмент не приносил серьезных репутационных потерь и позволял решать актуальные проблемы подконтрольных территорий. Сейчас проблемы городской инфраструктуры

^{1*} Объединение включено Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента или признанных запрещенными на территории России.

частично отданы на аутсорсинг¹, частично заключены договоры о концессиях², что снижает репутационные риски.

Результаты исследования показывают, что исчезновение альтернативных ассамблеж власти в регионе связано с изменением экспрессивной составляющей на федеральном уровне и усилением вертикального вектора территориализации, в силу чего альтернативные локальные ассамблежи вначале лишились способностей создавать конкурентоспособный идеологический нарратив, что привело к снижению веса материальной составляющей, потере медийной активности и должностных позиций. Одновременно произошедшая смена институционального дизайна в городе усилила материальные компоненты ассамблея власти победителей.

Повышение статуса губернатора в силу его институционализированных и неформальных связей со структурами федерального центра, приобретающих повышенное значение в условиях СВО, и практически одновременно с этим отказ от выборов мэра, способного возглавить оппозицию, сделал эту должность ключевой в распределении материальных ресурсов. В качестве локальной идеологии выбран режим развития безопасной инфраструктуры. По оси «координация-контроль» ассамблея власти уверенно сдвинулся в сторону контроля: снизилась конкуренция, упала прозрачность избирательного процесса, впервые за долгие годы произошла череда скандалов на выборах³,

¹ Мэр объяснил новые условия аутсорсинга на уборку улиц Новосибирска // Новосибирские новости. 14.06.2023 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.10.2025. URL: <https://nsknews.info/materials/mer-obyasnil-novye-usloviya-autsorsinga-na-uborku-ulits-novosibirska/>.

² За 2023–2024 гг. в теплоснабжение Новосибирска по концессии будет вложено 2,5 млрд рублей // Континент Сибирь. 21.11.2024 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.10.2025. URL: <https://ksonline.ru/555212/za-2023-2024-gody-v-teplosnabzhenie-novosibirska-po-kontsessii-budet-vlozheno-2-5-mlrd-rublej>.

³ Новосибирские выборы прошли. А что делать с осадочком? // Континент Сибирь. 21.11.2024 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.10.2025. URL: <https://ksonline.ru/587645/novosibirskie-vybory-proshli-a-chto-delat-s-osadochkom/>.

пересмотрены границы ряда участков, но показатели благоприятной инфраструктуры растут. Из СМИ практически исчезла критика и в выступлениях больше стала подчеркиваться лояльность губернатору. Тем не менее есть непогашенный конфликт двух групп девелоперов, и, судя по уменьшению числа критических комментариев под статьями, растет молчаливое большинство.

Метафорой происходящего может быть образ несущейся по бездорожью хрустальной кареты с семьей абыюзеров и со слепым, глухим и немым кучером.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пустовоит Юрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры Политологии Новосибирского государственного университета, доцент кафедры Политологии Томского государственного университета.
Электронная почта: pustovoit1963@gmail.com.

Research Article

YU. A. PUSTOVOIT^{1, 2}

¹ Novosibirsk National Research State University

2 Pirogov St., 630090, Novosibirsk, Russia;

² National Research Tomsk State University

36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia

FOUR SUITS OF THE ASSEMBLY OF POWER: INSTITUTIONS AND POLITICIANS IN THE SIBERIAN METROPOLIS. TEN YEARS LATER

Abstract. This paper compares the configurations and resources of power groups in a Siberian metropolis in 2015 and 2025. Drawing on reliable analytical material on key figures in urban and regional politics and their resources, supported by original data, the author aims to describe and explain the dynamics of positional shifts. To this end, ongoing political processes were examined within the framework of the categorical apparatus and key tenets of the main theories used in political science: elitism, pluralism, and regime theory. It turns out that explanatory models examining the causes and mechanisms of power shifts are either completely irrelevant (elitism and pluralism) or have limited application in today's context. The most promising approach is C. Stone's regime theory, but it only explains fragments of reality (the stability of relations) and weakly describes what is happening in conditions of rapid change. Incorporating new approaches to the phenomenon of the city in contemporary urban studies, this paper substantiates the prospects and potential of using the conceptual framework of assemblage theory

(M. Delanda) — an approach that expands and deepens regime theory and defines a broader dynamic framework by incorporating material infrastructure as agents. The paper formulates and substantiates the concept of an “assemblage of power” — a historically evolving dynamic formation represented by variable configurations of heterogeneous elements, ensuring its stabilization through two patterns of power relations: the coordination of its constituent components (while maintaining exteriority and the ability to autonomously move to other assemblages) and control (the loss of this ability). From this perspective, the political processes that have occurred in the Siberian metropolis are examined, explaining how the pluralistic configuration of 2017 (a pattern of coordination) was reassembled by 2025, bringing its main characteristics closer to a pattern of control. The results of the study showed that the disappearance of alternative power assemblies is associated with changes in the material and expressive components at the federal level, as a result of which the capacity for action in the region in alternative local assemblies has decreased both in the production of competitive ideological narratives and in the ability to promote their candidacies to important institutional positions.

Keywords: city, assemblage, power groups, networks, elites, infrastructure, urban regime, Siberia.

For citation: Pustovoyt Yu.A. Four suits of the assembly of power: institutions and politicians in the Siberian metropolis. Ten years later. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 85–103. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri A. Pustovoyt — Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Novosibirsk State University. Associate Professor, Department of Political Science, Tomsk State University. **E-mail:** pustovoyt1963@gmail.com.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское / Пер. с англ. В. Николаева. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 218 с.
Amin A., Thrift N. Cities: Rethinking the urban [Russ. ed.: *Goroda: pere-osmyslyaya gorodskoe*. Transl. from Eng. by V. Nikolaev. Nizhnii Novgorod: Krasnaya lastochka, 2017. 218 p.]
2. Григорян Ю. От демиурга к партнеру. Как архитекторы увидели горожан // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Magazine, 2017. С. 224–241.
Grigoryan Yu. Ot demiurga k partneru. Kak arhitektory uvideli gorozhan [From demiurge to partner. How the architects saw the townspeople]. *Gorozhanin*:

- chto my znaem o zhitele bol'shogo goroda*. [Citizen: What do we know about a resident of a big city]. Moscow: Strelka Magazine, 2017. P. 224–241. (In Russ.)
3. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / Пер. с англ. К. Майоровой. Пермь: Гиле пресс, 2018. 164 с.
DeLanda M. A New philosophy of society: Theory of assemblages and social complexity [Russ. ed.: *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'*. Transl. from Eng. by K. Majorova. Perm': Gile press, 2018. 164 p.]
 4. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 288 с.
Dal' R. Polyarchy: Participation and opposition [Russ. ed.: *Poliarhiya: uchastie i oppozitsiya*. Transl. from Eng. by S. Denikina, V. Baranova. Moscow: Izdatel'skiy dom GU VShE, 2010. 288 p.]
 5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
Latur B. Reassembling the social: An introduction to actor-network theory [Russ. ed.: *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Transl. from Eng. by I. Polonskaya. Moscow: HSE Press, 2014. 384 p.]
 6. Ледяев В.Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.
Ledyaev V.G. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: Theory and experience of empirical power research in urban communities]. Moscow: HSE Press, 2012. 472 p. (In Russ.)
 7. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / Пер. с англ. А. Кырлежева. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 238 с.
Lukes S. Power: A radical view [Russ. ed.: *Vlast': radikal'nyj vzglyad*. Transl. from Eng. by A. Kyrlezhev. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. 238 p.]
 8. Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Пер. с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. М.: Директ-Медиа, 2007. 844 с.
Mills Ch.R. The Power Elite [Russ. ed.: *Vlastvuyushchaya elita*. Transl. from Eng. by E.I. Rozental', L.G. Roshal', V.L. Kon. Moscow: Direkt-Media, 2007. 844 p.]
 9. Пустовойт Ю.А. Условия и этапы становления политико-административных ассамбляжей в городах Сибири // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 74–103. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.4>. EDN: ODHBL Y

- Pustovoyt Yu.A. Usloviya i etapy stanovleniya politiko-administrativnykh assamblyazhej v gorodakh Sibiri [Conditions and stages of the formation of political-administrative assemblages in Siberian cities]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 74–103. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.4> (In Russ.)
10. Пустовойт Ю.А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN: LASRAA
Pustovoyt Yu.A. Kak sozdaetsya rezhim: vlastnye koalitsii v sibirskikh gorodakh [How the regime is created: Power coalitions in Siberian cities]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019. No. 4. P. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08> (In Russ.)
 11. Ротбард Ш. Белый город, Черный город. Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе. М.: Ad Marginem, 2015. 400 с.
Rotbard Sh. White city, black city: Architecture and war in Tel Aviv and Jaffa [Russ. ed.: *Belyj gorod, Chernyj gorod. Arhitektura i voina v Tel'-Avive i Yaffe*. Moscow: Ad Marginem, 2015. 400 p.]
 12. Рыбчинский В. Городской конструктор. Идеи и города. М.: Strelka Press, 2015. 232 с.
Rybchinskij V. *Gorodskoi konstruktor. Idei i goroda*. [The city maker: Ideas and cities]. Moscow: Strelka Press, 2015. 232 p. (In Russ.)
 13. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. М.: Практис, 2006. Ч. 3. 320 с.
Foucault M. Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews [Russ. ed.: *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i inter'vu*. Transl. from French by B.M. Skuratov, ed. by V.P. Bol'shakov. Moscow: Praksis, 2006. Part 3. 320 p.]
 14. Хаугаард М. Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей / Пер. с англ. К.В. Фокина // Политическая наука. 2019. № 3. С. 30–61. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.02>.
Haugaard M. Pereosmyslenie chetyrekh izmerenii vlasti: dominirovanie i rasshirenie vozmozhnostei [Rethinking the four dimensions of power: Domination and empowerment]. Transl. from Eng. by K.V. Fokin. *Politicheskaya nauka*. 2019. No. 3. P. 30–61. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.02> (In Russ.)
 15. Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблишер, 2015. 280 с.

- Ellard C. Habitat: How architecture affects our behavior and well-being [Russ. ed.: *Sreda obitaniya: kak arhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie*. Moscow: Al'pina Pablisher, 2015. 280 p.]
16. Hunter F. *Community power structure: A study of decision makers*. Chapel Hill, NC: UNC Press Books, 2017. 297 p.
 17. Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1989. 314 p.
 18. Stone C.N. Reflections on regime politics: From governing coalition to urban political order. *Urban affairs review*. 2015. Vol. 51. No. 1. P. 101–137.

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 – 89244 от 17.03.2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: А.В. Дука
Научные редакторы: А.С. Быстрова, Д.Б. Тев
Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Журнал «Власть и элиты» включен в базу РИНЦ

Права на материалы, опубликованные журналом «Власть и элиты»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются. Журнал открытого доступа. Доступ к контенту
журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.powerelites.ru>
- на сайте издателя: <https://socinst.ru/publications/powerelites/>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=59624

Издатель: Социологический институт РАН – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Сайт издателя: <https://socinst.ru/>
Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru
Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2025. Том 12. № 3. Дата выхода в свет 17.12.2025.